

Роберт Стивенсон

«Веселые ребята»

Роберт Льюис Стивенсон

«Веселые ребята»

«Public Domain»

1882

Стивенсон Р.

«Веселые ребята» / Р. Стивенсон — «Public Domain», 1882

«Это было в конце июля, когда я в одно прекрасное, теплое утро в последний раз отправился пешком в Арос. Накануне вечером шлюпка отвезла меня на берег, где я высадился в Гризаполе. Позавтракав чем Бог послал в единственной маленькой гостинице и оставив там весь свой багаж до тех пор, пока мне представится случай приехать за ним морем, я с легким сердцем перешел через мыс...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	18
Глава IV	25
Глава V	32

Роберт Стивенсон «Веселые ребята»

* * *

Глава I

Арос

Это было в конце июля, когда я в одно прекрасное, теплое утро в последний раз отправился пешком в Арос. Накануне вечером шлюпка отвезла меня на берег, где я высадился в Гризаполе. Позавтракав чем Бог послал в единственной маленькой гостинице и оставив там весь свой багаж до тех пор, пока мне представится случай приехать за ним морем, я с легким сердцем перешел через мыс.

Я не был уроженцем этих мест, а происходил из племени коренных жителей равнин, но мой дядюшка Гордон Дарнэуей, после печально и бурно проведенной молодости и нескольких лет плавания по морям, женился на молодой девушке с этого острова. Мэри Маклин, так звали эту девушку, была последняя в роде, и когда она умерла, одарив дядю дочерью, то приморская ферма Арос перешла к дяде, который и стал владеть ею.

Ферма эта не приносила ему, как мне хорошо было известно, никакого дохода, а только давала ему возможность существовать, но так как дядя мой был человек, которого во всем преследовала неудача, то, будучи к тому же обременен ребенком, он не решался пуститься в какие-нибудь новые предприятия и остался в Аросе, тщетно ропща на судьбу. Проходили годы, не принося ему в его уединении ни облегчения, ни удовлетворения. Тем временем наша семья стала мало-помалу вымирать. Нашему роду вообще не везло, и мой отец был, пожалуй, счастливейший из всех. Он не только прожил дольше других, но и оставил после себя сына, унаследовавшего от него его имя и немного деньжонок, давших сыну возможность с честью поддерживать достоинство нашей фамилии. Я был студентом Эдинбургского университета и недурно существовал на свои небольшие доходы, не имея ни близких, ни родных, когда какие-то вести обо мне дошли до моего дяди на его мысе Росс у Гризаполя. Так как дядя принадлежал к числу людей, придающих большое значение кровным узам родства, то он поспешил написать мне в тот же день, как только узнал о моем существовании, и просил меня считать его дом своим. Таким образом случилось, что я провел свое vacationное время в этой дикой, уединенной местности, вдали от общества и комфорта, в приятной компании трески и глухарей и теперь, покончив расчеты с науками, снова вернулся сюда в этот июльский день с легким сердцем и в радостном настроении.

Мыс, носящий название Росс, не слишком широк и не слишком высок, но он и до сего дня остался таким, каким его при создании мира сотворил Бог. Море по обе его стороны очень глубоко и усеяно бесчисленными скалами, островами и рифами, чрезвычайно опасными для моряков. С восточной стороны над ними господствуют высокие утесы, над которыми возвышается громадный пик Бэн-Кьюу. Как говорят, слова эти на гэльском языке означают «Гора Тумана», и название это вполне заслуженное, так как вершина пика, достигающая более трех тысяч футов высоты, задевает все облака и тучи, несущиеся с моря, и вечно скрывается в тумане. Часто мне приходила мысль, что этот пик сам порождает туманы, потому что даже тогда, когда весь горизонт был чист и на небе не было ни единого облачка, над Бэн-Кьюу всегда точно вымпел висел туман. Там всегда было влажно и сыро, вследствие чего этот пик до самой вершины был покрыт мхом. Помню, сидишь, бывало, на мысе, все крутом залито солнцем, а там, на горе, льет дождь, и вершина ее точно окутана черными тучами. Но и это обилие влаги придавало в моих глазах иногда особую красоту этой горе. Когда в нее ударял свет солнца и освещал ее скаты, то мокрые скалы ее и бесчисленные ручейки дождевой воды, сбегавшие по ним, искрились и сверкали как алмазы, и это было видно даже из Ароса, на расстоянии пятнадцати миль.

Дорога, по которой я шел, была проложенная скотом тропа, до того извивавшаяся во все стороны, что удлиняла путь чуть не вдвое; пролегла она по большим каменным глыбам и валунам, так что приходилось перепрыгивать с одного на другой, или же шла по топкому моховому болоту, в котором ноги вязли чуть не по колено. Кругом ни малейшего признака культуры, и на протяжении всех десяти миль, от Гризаполя до Ароса, не было видно ни одного жилища. Но жилье было, – кажется, всего три домишки, и те стояли так далеко от дороги, затерянные в глуши, что не знакомый с местом человек никогда бы не мог отыскать их. Очень значительная часть мыса Росс сплошь усеяна гранитными скалами и утесами, и многие из них по величине больше хорошего крестьянского дома с двух горницами. Между скалами пролегают небольшие ущелья, поросшие папоротниками и вереском, и в них гнездятся ядовитые змеи. С какой бы стороны ни дул ветер, воздух здесь всегда морской, соленый и влажный, как на палубе судна. Чайки здесь такие же полноправные хозяева, как и глухари и всякая другая болотная птица, и везде, где дорога идет верхом, всюду ваш глаз ласкают сверкающие вдали волны моря. Даже и совсем далеко от берега, при ветре, на высоких местах, я слышал рев Руста, бушующего у Ароса, и грозные страшные голоса бурунов, прозванных «Веселыми Ребятами». Сам Арос, Арос-Джей, как его называют здешние жители, от которых я слышал, что это название в переводе значит «Дом Божий», сам Арос не составляет, собственно говоря, части Росса, но вместе с тем это и не совсем остров; он представляет собою юго-западную конечность мыса и прилегает к нему можно сказать вплотную; только в одном месте его отделяет от мыса узкий пролив, или канал, местами не имеющий даже сорока футов ширины. Во время сильных приливов вода в нем остается спокойной, как река выше запруды, или как тихий сонный пруд, с тою только разницей, что вода здесь зеленая, как в море, и водоросли, и рыбы тут тоже другие, чем в пруде; во время же отливов, дня два или три в каждом месяце, можно, не промолив ног, переходить с Ароса на мыс и обратно. У дяди на Аросе были хорошие пастбища, на которых паслись его овцы, представлявшие собою главную статью его скромного дохода. Может быть, травы здесь на лугах были лучше потому, что уровень Ароса значительно выше уровня самого мыса Росс, но я в этом вопросе не судья. Дом у дяди, по местным условиям, был даже очень хороший: двухэтажный, каменный, обращенный лицом на запад, к маленькой бухте, на которой устроена была маленькая пристань для шлюпок; стоя на пороге дома, вы видели перед собой море и облака, бегущие к вершине Бэн-Кью, и могли досыта любоваться этим великаном.

На всем протяжении береговой линии мыса, а особенно у Ароса, громадные гранитные утесы толпами выдвинулись в море и стояли, точно стадо, ищущее прохлады в знойный полдень, по колена в воде. Казалось, что эти утесы совсем такие же, как их братья там, на берегу, – на суше, только вместо неподвижно лежащей безмолвной земли у их ног неумолчно рыдали и бились зеленые волны; вместо вереска их украшали клубы белой пены, вместо ядовитых змей у подножия их скользили и извивались морские угри. В тихую погоду можно было, сев в лодку, часами кататься между этих скал и утесов, и только тихое эхо ласково сопровождало вас по всему лабиринту, но когда море было беспокойно, страшно становилось за человека, которому Бог привел бы услышать, как ревет и бурлит, и кипит этот адский котел.

С юго-западной стороны Ароса утесов этих очень много, и здесь они значительно крупнее и выше, а уходя дальше в море, становятся еще выше и грознее. На целые десять миль уходят они в открытое море и там теснятся друг к другу, как избы маленькой деревеньки; одни торчат высоко над водой, так что даже во время прилива высятся футов на тридцать над волнами, – другие же почти совсем покрыты водою, и оттого еще более опасны для судов. Как-то раз в ясный день при западном ветре я насчитал с высшей точки Ароса сорок шесть таких подводных рифов, о которые, пенясь, тяжело разбивались морские валы. Ближе к берегу эти рифы еще опаснее, потому что здесь прилив, стремящийся вперед с силой и быстротой мельничного протока, образует сплошную гряду бурунов, названную «Руст»; эта гряда одной непрерывной линией огибает весь мыс, образуя перед ним заграждение. Я не раз бывал там в мертвый штиль,

когда прилив был на убыли. И странное впечатление создавалось в этом месте от страшного водоворота, бушующего, пенящегося и рвущегося вперед с неистовым ревом, и тихого ропота прибоя, там, дальше, у самого берега, доносившегося сюда по временам: казалось, будто Руст говорит сам с собой. Но во время прилива, или когда море беспокойно, ни один человек не подойдет к Русту на лодке ближе, чем на полмили, и ни одно судно не уцелеет в этих водах. На шесть миль от берега слышен рев прибоя, особенно сильного с той стороны мыса, которая обращена в открытое море. Здесь громадные буруны, сшибаясь друг с другом, словно пляшут страшную пляску смерти; эти-то буруны и получили название «Веселых Ребят». Говорят, что здесь они достигают пятидесяти футов вышины, но это, вероятно, относится только к тяжелым зеленым валам, потому что серебристая белая пена и брызги взлетают вдвое выше. Получили они такое название от того, что так бешено кружатся в дикой, стремительной пляске, или же от того, что так громко режут и шумят при каждой новой смене прибоя, что весь Арос дрожит от их страшного рева, – этого я вам сказать не могу.

Несомненно верно, однако, что при юго-западном ветре эта часть нашего архипелага является настоящей западней, волчьей ямой для судов. Если бы судну удалось благополучно миновать рифы и уцелеть среди «Веселых Ребят», его все равно выбросило бы на мель, на южный берег Ароса, в бухте Сэндэг, где на нашу семью обрушилось столько невзгод, о которых я и намерен вам рассказать. Воспоминание о всех этих опасностях, в так хорошо знакомых мне местах заставляет меня теперь приветствовать с особой радостью начавшиеся там работы по установке маяков на мысе и бакенов в проливах между нашими негостеприимными островами.

У местных жителей сложилось много разных сказаний и преданий об Аросе; я их слышал от дядиного слуги Рори, бывшего старого слуги Маклинов, перешедшего после свадьбы, без лишних рассуждений, по наследству к дяде вместе со всем остальным имуществом этой семьи. Так, существовало поверье о каком-то несчастном существе, водяном духе, будто бы живущем среди бурунов Руста и совершающем там свои страшные дела. Рассказывали также про русалку, встретившуюся на берегу Сэндэгской бухты юноше, который играл на свирели; она, говорят, пела ему всю ночь свои чудные песни, а наутро его нашли совершенно безумным, и с той поры и до самой своей смерти он постоянно твердил одни и те же слова; какие это были слова на подлинном гэльском наречии, я не знаю, но в переводе они значили: «Ах, что за дивное пение слышится с моря!»

Утверждали еще, что тюлени, часто посещающие эти берега, говорили с людьми на их родном языке и предвещали большие несчастья. Здесь же, как говорят, некий святой, прибывший сюда из Ирландии, высадился на берег, и, пожалуй, этот святой действительно имел некоторое право считаться святым, если на тогдашних судах мог совершить подобное путешествие, да еще пристать невредимым в таком предательски опасном месте берега. Это поистине было весьма похоже на чудо! Ему или другому из подчиненных ему монахов, построившему келью в этом месте, наш островок обязан своим божественным и прекрасным названием «Дом Божий».

Но в числе всех этих бабьих сказок было одно предание, которое я всегда был склонен слушать, и даже готов был поверить ему. Предание это гласило, что во время той страшной бури, которая разбила и рассеяла по всему северному и западному побережью Шотландии суда «Непобедимой Армады», один из громаднейших ее кораблей был выкинут на мель у Ароса и на глазах нескольких местных жителей, видевших это крушение с вершины одной скалы, в один момент затонул и пошел ко дну со всем своим экипажем и развевающимся на его мачте флагом. В этом рассказе не было ничего невероятного, тем более, что другое судно этой флотилии лежит в двадцати милях от Гризаполя. Об этом говорили не столь таинственно и с большими подробностями, как мне казалось, причем одна из этих подробностей в моих глазах являлась особенно убедительной. В памяти жителей сохранилось название этого судна, и название это было испанское – «Espiritu Santo». Затонувший корабль нес много орудий и был многопалубным судном, с грузом несметных богатств. На нем, говорят, находились надменные гранды

Испании и сотни свирепых испанских солдат. Все они спят давно мертвым сном, распростившись навеки и со смелыми дальними плаваниями, и с военными подвигами, там, на дне нашей глубокой Сэндэгской бухты, западнее Ароса. Не салютует больше громовыми выстрелами по команде капитана это славное судно, и нет для «Espiritu Santo», то есть «Духа Святого», ни попутных ветров, ни счастливых случайностей, а лежит оно там и гниет, зарастая зеленой морской тиной, глубоко на дне, и не слышит даже громкого рева «Веселых Ребят», когда они грозно бушуют, высоко вздымаясь над ним. Странно и жутко было мне слушать этот рассказ от начала и до конца – и чем больше я узнавал об Испании, откуда вышел в море этот гордый корабль с его грандами, воинами и солдатами, с его несметными богатствами и несбывшимися надеждами, чем ближе я знакомился с личностью Филиппа II, по воле которого оно вышло в море, тем таинственнее и страннее казалась мне эта повесть о затонувшем здесь судне.

И теперь, идя из Гризаполя в Арос, я, надо признаться, много думал о «Espiritu Santo». Зимой я удостоился внимания известного писателя доктора Робертсона, бывшего в ту пору ректором нашего Эдинбургского колледжа; по его поручению мне пришлось разбираться в старых документах и бумагах и отбирать негодные, и вот, среди этого старого хлама, я, к великому моему удивлению, нашел документ, относящийся именно к этому затонувшему судну «Espiritu Santo»; в документе значилось имя его капитана и упоминалось о громадных богатствах, находившихся на нем, представлявших собою большую часть испанской казны, а также говорилось, что корабль этот погиб близ мыса Росс у Гризаполя. Но в каком именно месте это славное судно затонуло, местное полудикое население того времени не захотело указать, несмотря на все запросы, сделанные от имени короля. Сопоставляя наше местное предание с заметкой о предпринятых королем Иаковом реквизициях испанских сокровищ, в моем мозгу крепко засела мысль, что место, о котором тщетно старался узнать король, была именно маленькая бухта Сэндэг, составлявшая часть владений моего дяди. Будучи парнем с практическим складом ума, я с того времени постоянно стал думать о том, как бы поднять со дна моря этот чудесный корабль со всеми его богатствами, слитками золота, бесчисленными серебряными унциями и золотыми дублонами и с их помощью вернуть давно утраченный блеск и богатство нашему роду Дарнэуей.

Впрочем, мне вскоре пришлось пожалеть и раскаяться в этих мечтах. Я вообще был склонен к размышлениям, но после того, как мне довелось быть свидетелем суда Божьего над людьми за подобные мечты и желания, мысль о сокровищах и богатствах умерших людей стала для меня невыносимой. Однако я должен сказать в свое оправдание, что и ранее того мною руководило не чувство алчности, и если я желал богатств, то отнюдь не для себя, а для существа, которое было особенно дорого моему сердцу, для Мэри Эллен, дочери моего дяди. Она была прекрасно воспитана и даже некоторое время обучалась в Англии, что едва ли способствовало ее счастью, потому что после того Арос перестал быть подходящим для нее местом ввиду полного отсутствия всякого общества, кроме старика Рори, их старого слуги, и ее отца, несчастнейшего человека во всей Шотландии. Выросший в простой деревенской обстановке, дядя долгие годы плывал шкипером у островов, лежащих в устье Клайда, а после женитьбы поселился здесь и теперь с непреодолимым недовольством занимался овцеводством и прибрежным рыболовством ради насущного пропитания. Если мне иногда становилось невыносимо в этой обстановке, где я проводил каких-нибудь полтора или два месяца в году, то можно себе представить, каково было ей, бедняжке, жить здесь круглый год в этой безлюдной пустыне, где она могла видеть только овец на лугах да пролетающих с моря над мысом чаек и слушать их тревожный резкий крик и отдаленный грозный шум пляшущих и бушующих там, на Русте, «Веселых Ребят».

Глава II

Что принесло Аросу погибшее судно

Прилив уже начался, когда я подошел к Аросу; мне оставалось только, стоя на берегу, ждать, когда Рори услышит мой свист и приедет за мной на лодке. Мне не пришлось повторять мой сигнал, потому что при первом звуке Мэри выбежала на порог дома и стала махать мне платком, а старый долговязый слуга поплелся к пристани. Как он ни торопился, все же потребовалось немало времени, чтобы переплыть бухту и войти в канал. Наблюдая за ним, я заметил, что он несколько раз бросал весла и шел на корму, где, перегнувшись вперед, напряженно смотрел в воду. Он показался мне похудевшим и состарившимся, а, кроме того, я заметил, что он избегал встречаться со мной взглядом. Заметил я также, что лодку починили; сделали в ней две новые банки и положили несколько заплат, все из какого-то очень ценного заморского дерева.

– А ведь это очень дорогое и редкое дерево, Рори, – сказал я, когда мы тронулись в обратный путь, – откуда вы раздобыли его?

– Оно слишком твердо, не годится для поделок, – уклончиво ответил Рори и опять бросил весла и подошел к корме, как делал это несколько раз, едучи за мной; опершись рукой о мое плечо, он устремил на кильватер тревожный взгляд, в котором ясно читался ужас.

– Что там такое? – спросил я, невольно обеспокоенный.

– Должно быть, большая рыба, – сказал старик и снова взялся за весла.

Ничего более я не мог от него добиться, но я видел, что он как-то странно озирался и многозначительно кивал и качал головой. Против воли я почувствовал, что его беспокойство передается и мне и заражает меня какой-то смутной тревогой. Обернувшись назад, я стал тоже всматриваться в струю кильватера. Вода была светлая и прозрачная, но здесь, на середине бухты, было страшно глубокое место, и я некоторое время решительно ничего не видел в воде, а затем мне показалось, будто что-то темное, какая-нибудь большая рыба или просто какая-то тень упорно следовала за кормой лодки. При этом мне невольно вспомнился один из суеверных рассказов того же Рори о том, как на одном перевозе, на реке Морена, в ту пору, когда отдельные кланы вели один с другим ожесточенную междоусобную войну, какая-то громадная рыба, подобной которой никто никогда не видал в этой реке, в продолжение многих лет постоянно и неотступно следовала за паромом, так что в конце концов ни один человек не решался более переправляться в этом месте через реку.

– Она, верно, ждет намеченного человека! – мрачно заметил Рори и опять замолчал.

Мэри встретила нас на отмели, и затем все мы пошли за ней вверх по склону горы к дому. Как снаружи, так и внутри дома было много перемен: сад был обнесен новой изгородью из того же драгоценного дерева, которое обратило на себя мое внимание там, в лодке; в кухне стояли кресла, обитые пестрой парчой; такие же парчовые занавеси висели на окнах; на буфете стояли безмолвствующие часы из дорогой бронзы; с потолка спускалась массивная бронзовая лампа художественной работы. Стол был накрыт тончайшей скатертью и уставлен дорогим серебром. И все эти богатства красовались в скромной дядиной кухне, столь хорошо знакомой мне, рядом с ее деревянными скамьями с высокими спинками и простыми табуретами, рядом с ларем, служившим кроватью для Рори, и громадным камином, в который заглядывало солнце, и где постоянно тлели торфяные плитки, со скромной каминной доской, на которой всегда лежал целый подбор трубок, и где по углам на полу стояли треугольные плевались, наполненные мелкими ракушками вместо песка. Бронза и серебро выглядели странно в этой кухне с голым полом и голыми каменными белеными стенами, с тремя пестрыми половиками домашней работы, исстари служившими единственным украшением этой кухни, – теми тря-

пичными половиками, которые являются роскошью бедняков и которых в городах почти нигде не видишь. За дверью на гвозде, как всегда, висело воскресное платье, а на ларе лежала аккуратно сложенная клеенка, настилавшаяся на банки лодки. Эта кухня, да и весь этот дом всегда были своего рода чудом, образцом чистоты и опрятности для всей этой страны; так здесь было всегда красиво и уютно, а теперь кухня казалась как будто пристыженной всеми этими несоответствующими добавлениями к ее обычной обстановке, и это возбудило во мне чувство негодования, почти гнева. Конечно, принимая в соображение те намерения, с какими я приехал теперь в Арос, подобные чувства были несправедливы и неосновательны с моей стороны, но в первый момент у меня невольно вскипело сердце.

– Мэри, дитя мое! Я привык считать этот дом своим, а теперь я его не узнаю! – воскликнул я.

– Моим он был всегда, – ответила она, – здесь я родилась, здесь выросла и, вероятно, здесь и умру, и мне тоже не по душе эти перемены. Не нравится мне ни то, как они произошли, ни то, что пришло в дом вместе с ними. Видит Бог, я предпочла бы, чтобы все это лежало спокойно на дне моря, и чтобы над этими драгоценностями теперь плясали и резвились «Веселые Ребята».

Мэри была всегда очень серьезна. Это была единственная черта, унаследованная ею от отца, но тон, каким она проговорила эти слова, мне показался даже более серьезным, чем обыкновенно.

– Боюсь, что все это попало сюда благодаря крушению судна и смерти хозяев. Но ведь после смерти отца унаследовал же я от него и деньги, и вещи, и все его имущество и не испытывал при этом никаких упреков совести.

– Да, но твой отец умер своей естественной смертью, как говорят, – возразила Мэри, – и все перешло тебе по его воле.

– Правда, а крушение – это как бы суд Божий! Как звалось это судно? – спросил я.

– Звалось оно «Christ-Anna», – произнес голос за моей спиной, и, обернувшись, я увидел дядю, стоявшего на пороге.

Это был вечно недовольный, маленький желчный человек, с длинным, узким лицом и темными глазами; в пятьдесят шесть лет он был бодр и крепок физически и походил не то на пастуха, не то на человека морской профессии. Он никогда не смеялся, по крайней мере, я никогда не слышал его смеха; подолгу он внимательно читал свою Библию и долго молился по примеру всех камеронцев, среди которых он вырос, и вообще он во многих отношениях напоминал мне одного из шотландских проповедников мрачной дореволюционной эпохи. Но благочестие его не приносило ему ни утешения, ни просветления, хотя временами он впадал в меланхолию под впечатлением страха перед адом. Вообще он как бы с некоторой завистью вспоминал свою прежнюю суровую жизнь и, несмотря на эти приступы меланхолии, оставался все тем же суровым, холодным и угрюмым человеком.

Когда он вошел в дверь прямо с яркого солнца и остановился на пороге с шапкой на голове и коротенькой трубочкой, висящей на пуговице, он показался мне постаревшим и побледневшим, как и Рори, и морщины, бороздившие его лицо, стали как будто резче и глубже, а белки его глаз стали желтыми, как пожелтевшая слоновая кость или же как кости мертвецов.

– Да, «Christ-Anna», – повторил он, делая ударение на первом слове, – это страшное название.

Я поздоровался с ним и выразил свое удовольствие по поводу его бодрого и здорового вида. Я подумал, что, может быть, он был болен.

– И в здоровье, и в грехах наших мы подобны друг другу, – заметил он довольно нелюбезно. – Обедать! – отрывисто крикнул он Мэри и затем снова обратился ко мне: – А не правда ли, важнецкую мы тут бронзу раздобыли? Видишь, какие прекрасные часы? Только они не идут; а столовое белье! Настоящее!.. И вот за такие-то вещи люди продают свой душевный мир, это положительно непостижимо; за все это, в сущности стоящее не больше мешка раку-

шек, люди Бога забывают, Богу в лицо смеются и затем в пекле пекутся! Вот почему в Священном Писании, как я читал, все это называется «проклятым». Мэри, девочка моя, почему ты не вынула и не поставила на стол тех двух шандалов?

– А к чему они нам среди белого дня? – спросила девушка.

Но дядя стоял на своем.

– Мы станем любоваться ими, пока можем, – сказал он.

И сервировка стола, и так уже не соответствующая обстановке этой простой приморской фермы, обогатилась еще двумя прекрасными серебряными шандалами дивной работы.

– Судно выкинуло на берег десятого февраля, в десять часов ночи или около того, – продолжал дядя, обращаясь ко мне. – Ветра совсем не было, только легкая зыбь пробегала по морю; мы с Рори видели его еще раньше, как оно лавировало вдали. Эта «Christ-Anna», думается мне, совсем не слушалась руля. Плохо им, как видно, приходилось, и целый-то день они возились со своими парусами, а холод был проклятый, и снег... и только подует ветерок, и опять ничего нет... только напрасной надеждой морочил бедняг. Да, скажу тебе, трудный им выпал этот последний денек, и тот из них, которому удалось бы живым выбраться на берег, мог бы смело гордиться этим.

– И неужели все погибли? – воскликнул я. – Помогите им Бог!

– Тсс... – мрачно остановил меня дядя. – Никто у моего очага не смеет молиться за умерших!

Я отрицал религиозное или молитвенное значение моего возгласа, и дядя с удивительной готовностью принял мое оправдание и продолжал говорить о том, что, по-видимому, сделалось любимой его темой.

– Мы нашли «Christ-Anna» в Сэндэгской бухте, и в ней всю эту бронзу и серебро и всякое добро. Бухта эта, видишь ли, настоящий котел; когда там «Веселые Ребята» расшумятся и прибой начинает свирепствовать, так шум нашего Руста слышен в самом дальнем конце Ароса; и тогда образуется встречное нижнее течение, прямо в Сэндэгскую бухту. Этот водоворот, как видно, и подхватил «Christ Anna» и выкинул судно на утес так, что корма очутилась наверху, а нос зарылся в песок. Нос и теперь частью под водой, а корма во время отлива вся на виду. А этот треск, с каким оно ударилось о скалу, ты не поверишь, что это был за удар! Упаси Бог каждого человека от таких ужасов! Хуже нет жизни моряка! Опасная, изменчивая жизнь! Много раз я заглядывал в морскую глубину. И зачем только Господь Бог создал море, я никак не могу понять. Он сотворил долины, пастбища и прекрасные зеленые луга, и всю прекрасную радостную землю. И они воздают Тебе, Творец, хвалу, потому что Ты преисполнил их радостью, как говорится в псалме; не скажу, чтобы я лично был с этим вполне согласен, но все же это хорошо и легче понять, чем такие слова: «А те, что идут в море на судах для торговли, те тоже видят в глубине дивные дела Божии и Его великие чудеса». Ну, это легче сказать, чем испытать. Вероятно, Давид не был хорошо знаком с морем, и, право, если бы это не было сказано в Библии, я был бы очень склонен думать, что море сотворил не Господь, а гнусный черный дьявол. Ничего хорошего море не дает, кроме рыб, а что Господь Бог носится во время бури над морем, на что, вероятно, и намекает Давид, говоря о чудесах, то эти чудеса не всякому завидны и, поверь мне, человеку, горьки были «Christ-Anna» те чудеса, которые ей показал в глубине Бог. Не чудесами я бы назвал их, а скорее Страшным Судом Божиим! Суд среди чертей бездонной глубины. А их души, подумай только об этом, может быть, их души вовсе не были приготовлены к смерти!.. А ведь море – это сушие пустышки по сравнению с адом!

Я заметил, что голос дяди был необычайно взволнован, и сам он был непривычно оживлен в то время, как это говорил. При последних словах он перегнулся вперед через стол, похлопал меня по колену своими костлявыми пальцами и, несколько побледневший от волнения, заглянул мне в лицо; при этом я увидел, что глаза его светились каким-то особенным внутренним огнем, а линии вокруг рта как будто вытянулись и дрожали. Даже приход Рори и поданный

на стол обед ни на минуту не отвлекли его мыслей от того же предмета. Правда, он соблаговолил сделать мне несколько вопросов относительно моих успехов в науках, но он сделал это как-то рассеянно, без особого интереса. И даже во время импровизированной молитвы, по обыкновению очень длинной и сбивчивой, я мог уловить, чем он был озабочен, произнося слова: «Помяни милостию Твоею, Господи, несчастных, слабых, заблудшихся грешников, осужденных жить в этой юдоли, подле великого и коварного моря». Он, очевидно, думал о себе. За обедом дядя обменивался с Рори отдельными короткими фразами.

– Что, он все там? – спросил дядя.

– Ну, конечно! – пробурчал Рори.

Оба они говорили вполголоса, как будто стесняясь чего-то, и даже Мэри, как мне показалось, краснела и опускала глаза в тарелку. Отчасти для того, чтобы дать им понять, что мне кое-что известно, и тем прекратить эту натянутость в нашей маленькой компании, а отчасти подстрекаемый к тому любопытством, я решил вмешаться в их разговор.

– Вы говорите о большой рыбе? – спросил я.

– Какая там рыба? – воскликнул дядя. – Что ты городишь про рыбу, какая это к черту рыба! Видно, глаза у тебя жиром заплыли, человеке, и в голове-то у тебя не все в порядке. Рыба!.. Не рыба это, а водяной!

Он говорил горячась, даже как будто в сердцах, да и я, вероятно, был раздосадован тем, что меня так грубо осадил; а кроме того, молодые люди всегда большие спорщики, и потому я вступил с дядей в препирательство и под конец горячо протестовал против всяких ребяческих суеверий.

– И ты сюда приехал прямо из колледжа! – насмешливо воскликнул дядя Гордон. – Один Бог знает, чему вас только там учат! Во всяком случае, эти науки оказывают вам немалую пользу, как я вижу! Что же ты думаешь, человеке, что в этой громадной соленой пустыне моря так и нет ничего?! Что там только одни водоросли растут, да гуляют морские рыбы и животные пасутся, да солнце день за днем заглядывает и больше ничего? Нет, любезный; море все равно что суша, только оно страшнее. Если здесь, на земле, есть люди, то есть они и там, может быть, не живые люди, но все же люди. А что касается чертей, то хуже морских чертей и на свете нет! От земных чертей, леших и домовых немного увидишь беды, сущие пустяки!.. Что они могут сделать или сказать? Еще в недавние годы, когда я служил на юге, я помню, в Пивском болоте водился старый лысый леший. Я сам видел его однажды; он сидел на корточках, на большой кочке, весь серый, точно могильный памятник; и хотя он с виду был страшный, как громадная жаба, но он никого не трогал. Ну, конечно, если бы мимо него прошел какой-нибудь окаянный грешник, от которого и Сам Бог отказался, не очистивший своей души от грехов, то он, без сомнения, накинулся бы на него, но в глубине морской, на самом дне, есть такие черти, которые готовы наброситься даже и на причастника! Да, господчики мои, если бы вы пошли ко дну вместе с ребятами с «Christ-Anna», то вы знали бы теперь все прелести моря! Если бы вы плавали по морю столько, сколько плавал я, вы возненавидели бы даже и самую мысль о море так же, как я! Бог дал вам глаза, и если бы вы пользовались ими как надо, вы бы давно уже знали о коварстве этого предательского, злого, холодного и притворного моря и всего того, что по воле Бога растет, живет и множится в нем. Раки и рыбы, впивающиеся в мертвые тела, нарвалы и акулы, скользкие, отвратительные, вздутые гады, выбрасывающие фонтаны киты и всякие рыбы, уродливые, одноглазые и слепые, всякая холоднотелая нечисть, мерзкие твари, всякие неосвященные, проклятые Богом чудовища, вот чем кишит морская глубина. Ох, ребяташки, если бы вы только знали все ужасы моря!! Ужасы, каких даже вообразить нельзя! – воскликнул старик.

Все мы были сильно потрясены этим взрывом ненависти к морю, да и сам говоривший после последнего глухого и хриплого выкрика смолк и погрузился в свои невеселые, мрачные

думы. Но Рори, жадный до всякого рода суеверных страхов, вернул снова разговор к прежней теме.

– А вы видали когда-нибудь водяного? – спросил он, обращаясь к дяде.

– Не совсем ясно, – ответил дядя, – я вообще сомневаюсь, чтобы простой смертный человек мог вполне ясно видеть водяного и после того не расстаться с жизнью. Я плывал с одним парнем, которого звали Санди-Габарт; он, несомненно, видел водяного, и, конечно, тут же ему, бедняге, и конец приплел. Мы уже дней семь как вышли с ним из устья Клейды; работа была тяжелая, мы шли с грузом семян и разной разности на север к Маклиоду. Благополучно миновали Кетчелнс, мы обогнули Соа и вышли на прямую, рассчитывая, что нас донесет до Копнахоу. Я хорошо помню эту ночь; месяц светил сквозь туман, на море дул хороший свежий ветерок порывами, а кроме того, и это обоим нам не особенно нравилось, у нас над головой, поверху, свистал другой ветер, который дул из ущелий страшных Кетчелнских утесов. Санди возился на носу с клевером, мы не могли его видеть из-за грота, и вдруг он крикнул. Я засмеялся, потому что думал, что он крикнул от радости, что мы прошли Соа, ан нет! Оказалось совсем не то, это был предсмертный крик бедняги Санди-Габарта, потому что через полчаса его уже не стало. Все, что он мог сказать, было, что морской дьявол или водяной, или какой-то морской призрак, словом, нечто подобное, взобрался по бугшприту и глянул на него страшным, холодным, недобрый взглядом. А когда Санди отдал Богу душу, то все мы поняли, что это предвещало, и почему такой ветер завывал на вершинах Кетчелнса; ветер этот спустился потом оттуда прямо на нас и задул с такой адской силой, что мы всю ночь метались, как обезумевшие, потому что то был ураган гнева Божьего, и когда мы очнулись, то увидели, что нас прибило к берегу у Лох-Ускевах, а в Бенбекуле уже пели петухи.

– Это, должно быть, был русалочник, – сказал Рори.

– Русалочник! – закричал дядя с невыразимым гневом. – Это старые бабьи сказки! Никакого такого русалочника не существует!

– А на что он походил, этот морской дьявол? – спросил я.

– На что он походил? Оборони нас, Господь, знать, на что он походил. Было у него что-то вроде головы, – бедняга не мог сказать нам ничего больше.

После этого Рори, задетый за живое нанесенным ему оскорблением, рассказал несколько случаев с русалочниками и русалками, и морскими конями, выходившими на берег на здешнем острове и нападавшими на экипажи судов и шлюпок на море, и дядя, вопреки своему скептическому отношению к русалочникам, слушал все эти рассказы с тревожным интересом.

– Ужасно, ужасно, можно сказать, – вымолвил он в заключение. – Может быть, я и ошибаюсь, но я в Священном Писании нигде не встречал ни слова о русалочниках.

– Да вы, вероятно, не найдете там ни слова и о нашем Русте, – сказал Рори, и этот аргумент был признан достаточно веским.

По окончании обеда дядя увлек меня на скамеечку позади дома. День был тихий, жаркий; по морю изредка пробежит легкая зыбь, да издали донесется бляение овец или привычный крик чайки. И, быть может, под влиянием этой умиротворяющей тишины окружающей природы, мой сородич стал тоже как-то спокойнее и рассудительнее. Он говорил теперь ровно, спокойно, почти весело о моей дальнейшей карьере, лишь время от времени упоминая при случае о погибшем судне и богатствах, которые оно принесло Аросу. Я же слушал его в каком-то оцепенении, мысленно поглощенный воспоминанием рисовавшейся передо мной сцены крушения, упиваясь в то же время живительным морским воздухом и дымом торфяных плиток, разожженных Мэри в камине кухни.

Так прошло около часа, когда дядя, все время украдкой поглядывавший на поверхность маленькой бухты, вдруг встал и пригласил меня последовать его примеру. Здесь надо сказать, что сильный прилив на юго-западной стороне Ароса всегда производит значительное волнение по всему берегу. В южной части Сэндэгской бухты образуется бурное течение в известные

периоды прилива и отлива, но в этом северном заливе, или бухте, в так называемой Аросской бухте, на которой стоит дом и на которую теперь, в данный момент, смотрел дядя, единственно только в момент окончания прилива наблюдается некоторое волнение, и то столь легкое, что его можно даже не заметить. Когда вода бывает высока, то на ней ничего решительно нельзя увидеть, точно так же, как и при малейшей зыби или волнении; но когда вода совершенно спокойна, что бывает довольно часто, то на ее поверхности появляются какие-то странные неразборчивые водяные знаки, или очертания, как бы рунические буквы, или морские руны, если их можно так назвать.

То же самое встречается в тысяче мест по всему побережью, и ни один мальчишка, вероятно, забавлялся, как и я, стараясь прочесть в этих знаках что-нибудь относящееся к нему и к любимому им существу. На эти-то рунические буквы дядя обратил теперь мое внимание, но с видимой неохотой, внутренне стараясь побороть в себе какое-то неясное чувство сопротивления.

– Видишь ты там эти буквы на воде, вон, около того серого камня? – спросил он. – Да?.. Ну, скажи, похоже это на буквы?.. Не правда ли, похоже?

– Разумеется, похоже, – ответил я, – я уже не раз это замечал. Вот тот знак похож на букву С.

Старик подавил глубокий вздох, словно он был разочарован моим ответом, а затем, таинственно понизив голос, промолвил:

– С, это означает «Christ-Anna».

– А я всегда полагал, что это относится ко мне, – сказал я, – меня зовут Charles.

– Так ты и раньше это видел? – продолжал дядя, не придавая значения моим словам. – Да, да... Но это неслыханно странно! Может быть, это было предначертанием и многие века ждало своего исполнения. Но ведь это ужасно!.. – И вдруг, оборвав себя на полуслове, снова обратился прямо ко мне: – А другого подобного знака ты не видишь? А?..

– Вижу, – отозвался я, – явственно вижу, вон там, в стороне Росса, другую букву, в том месте, где спускается к берегу дорога, – вижу букву М.

– М, – повторил за мной дядя чуть слышно и, немного помолчав, продолжал: – А что, ты думаешь, это означает?

– Я всегда думал, что это означает Мэри, сэр, – ответил я, невольно краснея, внутренне убежденный в том, что почти приступил к решительному объяснению.

Но каждый из нас следил за своим личным ходом мыслей, совершенно исключаяющим все остальное, и дядюшка и на этот раз, как мне показалось, не обратил внимания на мои слова. Он опустил голову и молчал; я мог бы подумать, что он вовсе не слышал моих слов, если бы следующая фраза его не являлась в некотором роде отголоском моих последних слов.

– Я бы на твоём месте ничего не говорил об этом Мэри, это все пустяки, – заметил он и зашагал вперед.

Я молча последовал за безмолвствовавшим дядей, мягко ступая по торфяной тропинке, огибающей берег Аросской бухты. Я был несколько огорчен тем, что упустил столь благоприятный случай объявить дяде о моей любви; но в то же время я был еще более огорчен переменой, происшедшей в дяде. Он никогда не был таким, как другие люди, и еще того меньше тем, что называется «милый и любезный человек», но вместе с тем в нем не было, даже если принять во внимание худшие его стороны, ничего такого, что бы могло подготовить меня к столь странной перемене в нем. Невозможно было не видеть того, что положительно било в глаза, а именно, что у него было что-то на совести. Перебирая в уме своею слова, начинающиеся с буквы М, – «misery» – (бедность), «mercy» – (милосердие), «marriage» – (брак), «money» – (деньги), и другие, я вдруг с ужасом остановился на слове «murder» – (убийство). Я еще повторял в уме это ужасное слово и взвешивал его роковой смысл и значение, когда мы очутились на таком месте острова, откуда открывался вид на обе стороны: позади нас на Аросскую

бухту и усадьбу с домом, и вперед, на открытый океан, к северу усеянный островами, а к югу совершенно синий и открытый до самого края горизонта. Здесь мой спутник остановился и пристально посмотрел на необъятный морской простор, а затем обернулся ко мне и коснулся своей рукой моей руки.

– Ты думаешь, что там ничего нет? – спросил он, указывая концом своей трубки вдаль. – Нет, говорю я тебе, человеке! – крикнул он неестественно громко, как бы торжествуя. – Там густо лежат мертвецы! Словно водоросли!

Затем он круто повернулся, и, не проронив больше ни слова, мы вернулись домой.

Я страстно желал остаться наедине с Мэри, но это удалось мне не раньше, как после ужина, и то на самое короткое время, так что я едва успел обменяться с ней несколькими словами. Не теряя времени на пустые речи, я прямо высказал ей то, что было у меня на душе.

– Мэри, – сказал я, – я приехал в Арос с одной надеждой. Если эта надежда меня не обманывает, то все мы можем переселиться куда-нибудь в другое место и жить, не заботясь о насущном хлебе и важнейших удобствах жизни, а быть может, и настолько обеспеченными, что сейчас могло бы показаться безумным обещать что-либо подобное. Но, кроме этой надежды, есть у меня другая, которая гораздо дороже моему сердцу, чем деньги, – ты легко можешь догадаться об этом, – добавил я, немного помолчав.

Она молчала и смотрела куда-то в сторону. Это, конечно, не могло ободрить меня, но тем не менее я продолжал:

– Целыми часами я думал только о тебе, и чем больше проходит времени, тем больше я думаю о тебе, и я не могу себе представить, чтобы я мог быть счастлив и весел без тебя. Ты для меня что зеница ока!

Но она продолжала смотреть в сторону и не проронила ни словечка, только мне показалось, что руки ее дрожали.

– Мэри! – воскликнул я в отчаянии. – Неужели ты не любишь меня?

– О, Чарли, – отозвалась она наконец, – разве теперь время говорить об этом? Оставь меня пока, пусть все остается по-старому, и поверь, ты ничего от этого не потеряешь!

Я слышал слезы в ее голосе и, оставив всякую другую мысль, думал теперь только о том, как бы ее успокоить.

– Мэри Эллен, – сказал я, – не говори мне ничего больше. Я приехал сюда не с тем, чтобы нарушить твой покой. Пусть твоё желание будет и моим, и твой срок моим сроком. Ты мне сказала все, что мне было нужно, но теперь скажи мне еще только одно – что тебя мучает и тревожит?

Она созналась мне, что ее тревожит отец, но не стала вдаваться ни в какие подробности, а только сокрушенно качала головой; она сказала, что ей кажется, что он нездоров и сам на себя не похож, и что это очень ее огорчает. О крушении ей ничего не было известно.

– Я даже не ходила в ту сторону, – сказала она, – да и зачем я туда пойду, Чарли? Их бедные души давно предстали перед судом Божиим; но я бы хотела, чтобы они унесли с собой и все свое добро, бедняги!..

Едва ли это могло служить мне поощрением в моем намерении рассказать ей о моих планах относительно «Espiritu-Santo», но тем не менее я это сделал. При первых моих словах она с изумлением воскликнула:

– А знаешь, приезжал один человек в Гризаполь в мае, маленький, желтолицый, черномазый человечек, как мне рассказывали, с золотыми перстнями на пальцах и черненькой бородкой, и он шарил и нюхал по горам и по долам и все разыскивал это самое судно.

При этом я вспомнил, что разбирал те бумаги и документы по поручению доктора Робертсона в конце апреля и что отбирал я их для какого-то испанского историка или для господина, именовавшего себя таковым и выдававшего себя за ученого. Он явился с прекраснейшими и самыми лестными рекомендациями к нашему ректору, с поручением произвести

расследование касательно гибели Великой Армады. Сопоставляя одно с другим, я невольно подумал, что господин «с золотыми перстнями на пальцах» мог быть одно и то же лицо с мадридским историком, являвшимся к доктору Робертсону; а если это так, то, вероятно, он искал сокровища для себя, а не исторические сведения для своего ученого общества. Ввиду этого я решил не терять времени и не медлить с задуманным мной предприятием; и если это судно действительно лежало на дне Сэндэгской бухты, как оба мы предполагали не без основания, то открытие это должно было пойти на пользу не этому униженному перстнями господину, а Мэри и мне, и на благо старого, честного и благородного рода Дарнэуей.

Глава III

Море и суша в Сэндэгской бухте

На другое утро я рано был на ногах и как только успел кое-чем закусить, сейчас же отправился на расследование. Что-то упорно говорило мне, что я непременно отыщу затонувшее судно Великой Армады, и хотя я старался не давать волю этим розовым надеждам и мечтам, все же я находился в прекраснейшем расположении духа, и, как говорится, был на седьмом небе. Арос очень дикий и скалистый островок, вся поверхность его усеяна громадными скалами, поросшими диким вереском и низким кустарником. Мой путь лежал с севера на юг через высшую точку острова, и хотя все расстояние не превышало двух миль, оно требовало больше времени и усилий, чем переход в четыре мили по ровному месту.

Добравшись до вершины, я остановился. Хотя высота была сравнительно незначительная, менее трехсот футов, как я полагал, все же она господствовала над всеми окрестными долинами Росса и открывала обширную панораму на море и острова. Солнце было уже довольно высоко и сильно жгло мне затылок, и воздух был неподвижен, как перед грозой, хотя и совершенно чист и прозрачен. Там, дальше к северо-западу, где острова лежали особенно густо и тесно друг к другу, целыми гроздьями, с полдюжины мелких обрывистых тучек, цепляясь одна за другую, растянулись караваном, а вершина Бэн-Кьюу на этот раз убралась не просто несколькими вымпелами, но укуталась целым капюшоном облаков. В погоде чуялось что-то угрожающее. Правда, море было спокойно, как зеркало, и даже Руст казался едва приметной трещиной на этом зеркале, а «Веселые Ребята» казались не более как клубами пены. Но для моего привычного глаза и уха, так давно сроднившегося с этими местами, море казалось беспокойным под этой гладью зеркальной, под этой словно спящей поверхностью, а едва уловимый всплеск прибоя, точно протяжный вздох, доносился ко мне. И как ни был спокоен на вид Руст, я чувствовал, что и он замышляет что-то недоброе; а надо сказать, что все мы, жители этих мест, приписывали этому опасному детищу морских прибоев если не роль непогрешимого оракула, то, во всяком случае, безошибочного предсказателя прихотей погоды.

Я поспешил вперед и вскоре спустился со склона Ароса к той части острова, которая здесь зовется Сэндэгской бухтой. По отношению к величине островка это довольно большая водная площадь, прекрасно защищенная от всех ветров, кроме преобладающего здесь ветра, дующего с моря. С западной стороны она мелководна и опоясана низкими и песчаными холмами, с восточной же она имеет значительную глубину, особенно там, где в нее отвесной стеной обрывается гряда высоких каменных утесов. Именно в это место при каждом приливе, когда он достигает известной стадии, ударяет то сильное течение из открытого моря в бухту, о котором упоминал дядя, а немного позднее, когда Руст начинает вздыматься выше, образуется еще более сильное нижнее течение в обратном направлении; именно оно, думается мне, и способствовало образованию в этом месте столь значительной глубины. Из Сэндэгской бухты не видно ничего, кроме незначительной части горизонта, а в непогоду ничего, кроме высоко вздымающихся зеленых валов, стремительно налетающих на подводные рифы.

Еще на половине спуска я увидел обломки судна, потерпевшего здесь крушение в феврале. Это был бриг весьма значительной величины и водоизмещения; он лежал с переломанным хребтом, высоко над водой, на песке, в самом дальнем восточном углу, среди песчаных холмов, на отмели. Туда я направил свои шаги, но почти на самом краю торфяного болота, граничащего с песками, мне бросилось в глаза небольшое пространство, расчищенное от папоротников и вереска, на котором возвышался продолговатой формы, напоминающий очертание человека, низенький холм, подобный тем, какие мы привыкли видеть на кладбищах. Я стоял как громом пораженный. Никто ни одним словом не обмолвился мне о каком-нибудь покой-

нике или о похоронах здесь, на острове. И Рори, и Мэри, и дядя равно умолчали об этом; ну, она-то, я в этом был уверен, сама ничего не знала, но тут у меня перед глазами было неопровержимое доказательство этого факта – могила! – и я невольно спрашивал себя, что за человек лежит здесь? И нервная дрожь обдавала меня холодком. Как попал он сюда и заснул вечным сном в этой одинокой могиле, где покинутый и забытый будет ждать призывного гласа трубы в день Страшного Суда?

И в уме своем я не находил другого ответа, кроме того, который страшил и пугал меня. Несомненно, он был потерпевший крушение, может быть, занесенный сюда, как и погибшие моряки Непобедимой Армады, из какой-нибудь дальней, богатой заморской страны, а быть может, и мой соплеменник, погибший здесь, у родного ему очага! Некоторое время я стоял с непокрытой головой над одинокой могилой и сожалел, что наша вера не учит нас возносить молитвы за несчастных, погибших вдали от родины, чужеземцев, или, по примеру древних народов, воздавать внешние почести умершим, прославлять их подвиги или оплакивать их горькую участь. Я знал, конечно, что хотя его прах и его кости лежат здесь, в земле Ароса, и будут здесь лежать, пока не прозвучит труба Суда Господня, – бессмертная душа его не здесь, а далеко отсюда: или в светлой обители покоя и вечного блаженства, или в стране мучений, в аду. Но воображение мое вселяло в меня тайный страх; мне чудилось, что, может быть, он здесь, стоит подле меня, на страже у своей безмолвной, одинокой могилы и не хочет расстаться с этим местом, где его настигла его злополучная судьба. Глубоко удрученный, отошел я от этой могилы, но потерпевшее крушение судно было едва ли менее печальным зрелищем, чем одинокая могила. Корма торчала высоко над водой, выше гребней прибоя; судно расколосось пополам, почти у самой передней мачты. Впрочем, мачт уже не было, обе они сломались во время крушения. Нос брига зарылся глубоко в песок, а в том месте, где судно расколосось, зияла, словно раскрытая пасть, громаднейшая щель, через которую можно было видеть всю внутреннюю часть судна от борта до борта. Название брига наполовину стерлось, и я не мог сказать наверное, звался ли он в честь столицы Норвегии «Christiania» или женским именем «Christiana». Судя по конструкции, это было иностранное судно, но какой именно страны, этого я определить не мог. Оно было окрашено зеленой краской, но теперь краска эта смылась, полиняла и лупилась пластами. Тут же рядом торчала мачта, наполовину зарывшаяся в песок. Все вместе представляло тяжелую картину. Я не мог видеть эти обрывки канатов, еще уцелевшие кое-где, остатки снастей, у которых год за годом работали смуглые, сильные руки матросов, раздавались их голоса, смех, шутки и брань; не мог глядеть на эти трапы, по которым постоянно сбегали и вбегали живые проворные люди, делая свое привычное дело; не мог смотреть на белую фигуру ангела с отбитым носом, украшавшую переднюю часть брига, еще так недавно рассекавшую бурные, грозные волны, а теперь неподвижную, точно застывшую на века.

Не знаю, впечатление ли от погибшего судна, или от одинокой могилы настроило меня так странно, но только стоя здесь и опираясь на кучу разбитых досок, я невольно поддался чувству безотчетной, тихой грусти и мучительных сомнений, не знакомых мне до сих пор. Я болезненно живо почувствовал бездомность и беспомощность людей и даже таких неодушевленных предметов, как суда, когда они окажутся выброшенными на чужой им берег, и мне казалось, что извлечь пользу из такого несчастья неблагородно, что это недостойный поступок. И мои поиски затонувшего испанского судна показались мне теперь чем-то святотатственным. Но когда я вспомнил о Мэри, я снова осмелел. Дядя никогда не согласился бы на ее неразумный брак с человеком, не могущим обеспечить его дочь, – а она, я в том был уверен, никогда не решится на брак без его согласия. И тогда я уверил себя, что делаю это только ради Мэри, моей будущей жены, и невольно рассмеялся над своими тревогами и сомнениями при мысли, сколько времени прошло с тех пор, как плавучий чертог «Espiritu Santo» сложил свои кости на дне Сэндэгской бухты, и каким малодушием с моей стороны было бы считаться с правами

собственности, столь давно пропустившими все законные сроки, и вспоминать о несчастье, давно позабытом и потонувшем во мгле веков.

Относительно того, где мне следует искать затонувший корабль Непобедимой Армады, у меня сложился совершенно определенный план.

И все течения, и сама глубина указывали на то, что если «Espiritu Santo» погиб в Сэндэгской бухте и если от него еще что-нибудь уцелело, то искать его надо в восточной части бухты под скалистыми утесами. Вода здесь очень глубока, и даже непосредственно под скалой глубина достигает нескольких сажен. Стоя на краю скалы, я мог видеть на большом протяжении песчаное дно бухты; солнце светило ярко и проникало глубоко в зеленые прозрачные воды залива, придавая ему вид громадного кристалла зеленого хрусталя, прозрачного и светлого; ничто не напоминало о том, что это вода, кроме легкого дрожания и колебания света и теней где-то в глубине, да еще появлявшихся время от времени морщинок и пузырьков у самых краев. Тень от скал ложилась довольно далеко, от самого подножья утесов, а моя собственная тень, двигавшаяся и останавливавшаяся на вершине скал, достигала иногда до половины ширины бухты. Как раз именно в этом поясе тени я рассчитывал найти «Espiritu Santo», потому что именно в этом месте нижнее течение было особенно сильно. Вода в бухте всегда казалась холодной, особенно в этот знойный палящий день, но в этом месте она была еще холодней и манила глаз какой-то странной таинственностью. Однако как я ни вглядывался в ее таинственную глубину и как ни прозрачна была здесь вода, я не видел ничего, кроме рыб и кустов водорослей, да там и сям каменных глыб, оторвавшихся от скалы, упавших в воду и лежащих теперь одиноко на песчаном дне бухты. Дважды я прошел из конца в конец по всему краю утесов, и на всем этом протяжении мне не удалось увидеть ничего похожего на затонувшее судно, ни даже такого места, где можно было бы предположить его присутствие, кроме только, пожалуй, одного. Это место была большая ровная терраса на пяти саженях глубины, подымавшаяся на весьма значительную высоту над уровнем песчаного дна и казавшаяся сверху просто большим подводным выступом скалы, той самой, на которой я стоял. Он представлял собой одну сплошную массу морских трав и водорослей, настоящую подводную рощу, что и мешало мне определить истинный характер этой террасы; но по виду и размерам она имела некоторое сходство с корпусом корабля. Во всяком случае, это был единственный мой шанс. Если «Espiritu Santo» не лежал здесь, то его не было нигде в Сэндэгской бухте, и потому я решил испытать свое счастье раз навсегда и либо вернуться в Арос богатым человеком, либо навеки отказаться от всяких мечтаний о богатстве.

Я разделся донага и стал на край утеса, сложив руки, но не решался. Бухта была в этот момент совершенно спокойна. Кругом ни звука, кроме плеска дельфинов где-то вдали за мысом. Но тем не менее какой-то безотчетный страх удерживал меня в решительный момент. Боязнь воды, всякие суеверия, мысли об умершем, что лежит в той могиле, о потерпевших крушение судах, – все это беспорядочной вереницей проносилось у меня в голове. Но палящее солнце жгло так сильно мои плечи, что согрело даже и мое оледеневшее сердце; собравшись с духом, я подался вперед и бросился в воду.

Нырнув, я очутился на упомянутой площадке и поспешил ухватиться за попавшуюся мне под руку водоросль; эта подводная площадка так густо поросла всякой морской травой, что в следующий же момент я уже ухватился обеими руками за эти скользкие, облепленные морской тиной травы, стараясь с их помощью удержаться на глубине, и упираясь в то же время ногами в край площадки, оглянулся вокруг. Во все стороны, сколько мог охватить глаз, раскинулся один желтый песок вплоть до самого подножья утесов, чистый, ровный, как песок на садовых дорожках, благодаря постоянным приливам и отливам, обмывающим его, и солнце, освещавшее все дно, освещало всюду все только песок, и ничего больше. Только одна эта подводная площадка, на которой я с трудом удерживался, была так же густо покрыта всякими водяными травами, как наше торфяное болото вереском, и подводная часть утеса, выступом

которого мне представлялась эта площадка, была увита сплошной сетью темных, коричневых лиан. Вся эта густая растительность до того перепуталась и сплелась между собой и к тому же все время колыхалась под напором течения, что тут трудно было различить что-нибудь. Я все еще не мог решить, упираюсь ли я ногами в природную скалу, или стою на дощатой обшивке корабля Непобедимой Армады, когда весь куст водорослей остался вдруг у меня в руках, и в один момент я всплыл на поверхность. Весь берег бухты и сверкающая на солнце вода ослепили меня страшной яркостью своих красок.

Я выбрался на скалу и кинул оставшийся у меня в руке пучок водорослей к своим ногам. При этом что-то резко звякнуло о камень, словно упавшая монета. Я нагнулся и увидел всю покрытую ржавчиной стальную пряжку с башмака. Вид этой жалкой дешевой пряжки глубоко потряс меня; но не надежда загорелась при этом в моем сердце, не чувство страха проснулось в нем, а какая-то безотчетная грусть. Я держал ее в руках, и мысль о владельце этой пряжки предстала мне в образе живого человека. Я видел его перед собой, этого смуглого загорелого моряка с его сильными, грубыми руками, несколько сиплым, как у большинства моряков, голосом, видел эту самую ногу, на которой некогда красовалась эта пряжка, ногу, столько раз ступавшую по доскам палубы при качке и в бурю. И весь этот человек как живой стоял тут, подле меня, такой же, как я сам, с такими же волосами, теплой живой кровью и блестящими глазами, отнюдь не как призрак, а скорее как друг, которого я жестоко обидел. Он стоял тут в ясный солнечный день, на этой одинокой скале и как будто ласково упрекал меня. Неужели же гордый корабль, везший громадные сокровища, лежит здесь, у моих ног, со всеми его орудиями, якорями, цепями и богатствами, словом, такой, каким он покинул Испанию? Только палубы его превратились теперь в рощи водорослей, а в каютах его рыбы мечут икру. Все безмолвно кругом, только плещет вода, неподвижно лежат все сокровища, только там, наверху морские травы плавно качает прилив. И весь этот плавающий чертог с многолюдным его населением превратился теперь в подводный риф прекрасной Сэндэгской бухты! Или же, – и это мне казалось вероятнее, – эту пряжку сюда занесло с иностранного брига, потерпевшего здесь крушение в феврале, и купил ее только недавно и носил мой современник, живший теми же современными интересами, как и я, слышавший изо дня в день те же новости, что и я, думавший, может быть, те же думы, что и я, и, быть может, молившийся в том же храме, где я!.. Тяжелые мысли одолели меня, и слова дяди: «Там густо лежат мертвецы, словно водоросли» – звучали у меня в ушах. Я решил еще раз нырнуть под воду, но с громадным отвращением подошел к краю утеса.

Удивительная перемена произошла в этот момент в картине тихой бухты. Это уже не было более то светлое прозрачное подводное царство, тот хрустальный дворец под стеклянной крышей, в зеленых глубинах которого так весело и спокойно дремали солнечные лучи; внезапно налетевший ветерок подернул легкой рябью зеркальную поверхность бухты, глубь ее всколыхнулась и потемнела, проблески света и тени облаков боролись между собой на воде. Даже сама площадка выступа там, в глубине, как будто дрожала и колыхалась. Теперь мне казалось более опасным рисковать собой в этом предательском месте, и на этот раз я прыгнул в воду с сильно дрогнувшим сердцем.

Как и в первый раз, я ухватился за колыхавшиеся стебли водорослей и стал шарить кругом. Все попадавшееся мне под руку было холодное, скользкое, мягкое. Чаша эта кишела крабами, морскими раками, ползавшими боком взад и вперед, и я скрепя сердце преодолевал чувство гадливости и отвращения от соседства этих гадин. Везде и всюду я ощущал неровности и трещины твердого, холодного камня, но нигде ни досок, ни железа, ни малейших признаков остова корабля. Очевидно, «Espiritu Santo» здесь не было. И при этом я испытал даже какое-то чувство облегчения, несмотря на мое разочарование, и собрался уже выпустить из рук водоросли, служившие мне причалом, как вдруг случилось нечто, что заставило меня мгновенно всплыть на поверхность, не помня себя от ужаса. Я и так уже слишком долго задержался под

водой; течение усилилось, вода делалась холодной с переменной прилива, и Сэндэгская бухта становилась ненадежным местом для любого пловца. Но вот в самый последний момент течение хлынуло с удивительной силой, словно вал налетел, и напором воды повалил водоросли и меня; выпустив при падении водоросли, которые удерживали меня, я инстинктивно стал искать опоры и в этот момент почувствовал в своей руке что-то твердое и холодное. Мне кажется, что я в тот же момент угадал, что это было. Во всяком случае я тотчас же выпустил водоросли и поднялся наверх, а секунду спустя стоял уже на уступе скалы с берцовой костью человека в руке. Человек существо слишком материальное, мысль медленно вращается в его мозгу и еще медленнее сопоставляет факты. Могила там внизу, на песках, разбившееся судно, наконец, эта пряжка, все это, несомненно, ясные показатели того, что здесь когда-то разыгралась ужасная человеческая драма. Дитя могло бы догадаться об этом, и тем не менее я тогда лишь понял весь ужас хищного моря, когда у меня очутилась в руке человеческая кость. Я положил ее подле пряжки на скалу, подобрал свое платье и побежал, как был, вдоль гряды скал к нашему жилищу. Мне казалось, что я не мог уйти достаточно далеко от этих мест; никакие богатства не могли теперь заставить меня повторить мою попытку. Отныне кости утопленников-мертвецов могли спокойно лежать среди водорослей или груды золота и камней. И едва я вступил на мягкую почву торфяного болота и прикрыл свою наготу, как упал на колени, лицом к разбитому бригу, и от всей души долго и горячо молился о всех плавающих по морям и погибших в их коварных волнах. Такая бескорыстная молитва никогда не пропадает даром; если даже она не будет услышана, все равно, молящийся все же будет награжден снисшедшей на него благодатью. И я тоже почувствовал себя умиротворенным, чувство ужаса не преследовало меня, и я мог снова с полным душевным спокойствием смотреть на это великое и прекрасное творение Божье, на искрившийся на солнце безбрежный океан. Когда я двинулся дальше вверх по крутому подъему Ароса, от моих прежних мучительных дум и тревог не осталось ничего, кроме твердой решимости не иметь больше никакого дела с добычей с потерпевших крушение судов или богатством утонувших людей. Я поднялся уже довольно высоко, остановился, чтобы перевести дух и оглянуться назад. Зрелище, представившееся теперь моим глазам, было вдвойне странно. Во-первых, шторм, приближение которого я предвидел, приближался с невероятной, почти тропической быстротой; все море потемнело и вместо подозрительно сверкавшей на солнце прозрачной зеленой поверхности представляло собой безобразную буро-свинцовую бородавчатую пелену. Там, вдали, уже забегали белые зайчики, которых гнало ветром вперед; хотя на Аросе ветер этот еще не чувствовался, но до слуха моего уже доносился прибой, разыгравшийся у берегов Сэндэгской бухты и разбивавшийся там под скалистой стеной. Еще более разительна была перемена на небе: там с юго-запада подымалась громадная сплошная масса тяжелых грозных туч; в просветы, остававшиеся еще между ними, солнце еще пропускало свои ослепительно яркие, горячие лучи. Там и сям по краям тучи раскинулись по небу длинные черные полосы, точно вымпелы, покрывая темными пятнами все еще чистое и безоблачное небо. Вид его был угрожающий, и в тот момент, когда я стоял и смотрел на него, солнце вдруг разом точно погасло, словно черная туча поглотила его. С минуты на минуту должна была разразиться гроза над Аросом. Быстрота и внезапность этой перемены до такой степени приковали мое внимание к небесному своду, что я не сразу снова перевел свой взгляд на залив, расстилавшийся у моих ног и лишенный теперь солнечного освещения. Пригорок, на который я только что взобрался, возвышался над небольшим амфитеатром более низких холмов, спускавшихся постепенно к морю, а несколько ниже желтели полукругом прибрежные пески, окаймлявшие берег Сэндэгской бухты. Все это я видел много-много раз, но никогда я не видел здесь ни одной живой человеческой души. Я только что сам ушел оттуда, и кроме меня там не было никого; а теперь, к превеликому моему удивлению, я увидел лодку и нескольких человек среди этой пустыни. Лодка была причалена у скалы, два человека с непокрытыми головами, с засученными рукавами, и третий, вооруженный багром, с трудом удерживали лодку у

берега, так как течение усиливалось с каждой минутой. На некотором расстоянии от лодки, на выступе скалы, двое мужчин в черном, на мой взгляд, принадлежавшие к более высокому общественному классу, склонялись оба над какой-то работой, которой я не мог определить в первый момент, но в следующий я уже догадался: они делали вычисления по компасу. Затем я увидел, как один из них развернул большой лист бумаги и стал указывать на нем что-то пальцем, как бы сверяя по карте или плану местоположение. Тем временем третий их товарищ расхаживал взад и вперед по краю скалы, останавливаясь и как бы знакомясь с ее характером и время от времени нагибаясь вперед, чтобы заглянуть в воду под скалой. И вот, в то время как я наблюдал их с нескрываемым удивлением, едва веря своим глазам, этот третий вдруг остановился как вкопанный и крикнул своих товарищей так громко, что звук его голоса долетел до меня, стоявшего высоко на горе. Двое остальных поспешно подбежали к нему, уронив свой компас, и я увидел, что оставленная мной человеческая кость и ржавая пряжка стали переходить из рук в руки, вызывая необычайно оживленную жестикуляцию, служившую, очевидно, выражением живейшего интереса и удивления со стороны этих людей.

В этот момент матросы, находившиеся в лодке, стали кричать что-то, указывая на запад, на ту огромную сплоченную группу облаков, быстро разраставшуюся и застилавшую черной пеленой целую половину неба.

Те, что были на берегу, стали, по-видимому, совещаться; однако опасность была слишком очевидна, чтобы мешкать долее, – все трое поспешили сесть в лодку, забрав с собой мои реликвии, после чего лодка под дружным усилием привычных гребцов быстро пошла к выходу из бухты.

Я не стал более раздумывать над тем, что видел, а повернулся и со всех ног бросился бежать по направлению к дому. Кто бы ни были эти люди, во всяком случае, дяде необходимо было тотчас же дать знать об этом. Возможно было, что это был десант якобитов, и быть может, один из трех пассажиров был тот самый принц Чарли, которого, как мне хорошо было известно, так ненавидел мой дядя, – тот, который прогуливался там на выступе скалы. Однако в то время, как я бежал, перепрыгивая с камня на камень, с бугра на бугор, и все время обсуждая в уме все случившееся, а все больше и больше убеждался в неправдоподобности и неудовлетворительности этого моего первого предположения. Компас, карта или план, интерес, вызванный в них моими находками, и вообще все поведение этих незнакомцев, особенно того из них, который только раз с напряженным вниманием смотрел с выступа скалы в воду, – все это наводило меня на мысль об иных причинах их присутствия в этой бухте, на этом затерянном среди моря безвестном острове.

Историк из Мадрида, расследования доктора Робертсона, бородатый незнакомец, уже побывавший здесь, человек с множеством золотых перстней, наконец, мои личные бесплодные поиски сегодня утром в этой самой Сэндэгской бухте, все это одно за другим приходило мне на память и рождало во мне уверенность в том, что эти незнакомцы, должно быть, испанцы, явившиеся сюда для розысков затонувшего здесь судна Великой Непобедимой Армады и находившихся на нем сокровищ. Но люди, живущие на таких отдаленных островах, предоставлены самим себе в отношении своей безопасности; им негде искать себе не только защиты, но даже и помощи, а потому присутствие в таком месте, как Арос, экипажа, состоящего из чужеземцев-авантюристов, вероятно, алчных, безденежных и не признающих никаких прав и законов, невольно вызвало во мне опасение за достояние моего дяди и даже за безопасность его дочери.

Продолжая обдумывать, как бы нам избавиться от этих людей, я, едва переводя дух, добежал до вершины Ароса. Теперь уже все кругом заволокли тучи, и только на самом краю горизонта, в восточной его части, на одном из холмов на материке держался еще последний луч солнца, светившийся в окружающем полумраке, как драгоценный яхонт; дождь начал накрапывать, не частый, но большими тяжелыми каплями; на море волны ходили высокие; с каждой минутой они вздымались все выше и выше, и белая пена сплошной каймой опоясывала

уже Арос и ближайший к ней берег Гризаполя. Лодка с незнакомцами все еще продолжала уходить в открытое море, и теперь я увидел то, что раньше было скрыто от моих глаз, – большую, тяжело оснащенную шхуну, лежащую в дрейфе у южной оконечности Ароса. Так как я не видел ее сегодня поутру, когда я так внимательно исследовал горизонт, наблюдая погоду, а в этих водах, где так редко появляется парус, я не заметить его не мог, – то было ясно, что шхуна пришла сюда еще с ночи и всю ночь простояла за необитаемым маленьким островком Эйлиан-Гоур. Уже это одно доказывало, что экипаж этого судна был чужеземный, совершенно незнакомый с этими берегами, потому что эта стоянка, хотя на вид и довольно благоприятная и удобная, на самом деле являлась настоящей западней для судов. С таким несведующим экипажем, у этих опасных и коварных берегов, приближавшаяся буря грозила принести на крылах своих гибель и смерть.

Глава IV

Буря

Я застал дядю на верхушке крыши дома, где он с подозрительной трубой в руках наблюдал погоду.

– Дядя, – сказал я, – там, в Сэндэгской бухте, были люди на берегу, я...

Но я не мог продолжать дальше, все разом выскочило у меня из головы, до того поразило меня впечатление, произведенное на дядю моими словами. Он выронил из рук свою трубу и отшатнулся назад с отвисшей челюстью, вытаращенными глазами и побледневшим как полотно лицом. С минуту мы молча глядели друг на друга, наконец он вместо ответа спросил:

– На нем была мохнатая шапка?

Теперь я знаю так же хорошо, как если бы я его видел своими глазами, что человек, который лежал там, в могиле у Сэндэгской бухты, имел на голове мохнатую шапку и добрался до берега живым. И в первый и единственный раз в моей жизни я почувствовал себя беспощадным к этому человеку, обласкавшему и приютившему меня у своего очага, к отцу девушки, которую я надеялся назвать своей женой.

– То были живые люди, – сказал я, – быть может, якобиты, быть может, французы, а может, и пираты или авантюристы, явившиеся сюда искать сокровищ испанского судна. Но кто бы они ни были, они могут быть опасными для вашей дочери и моей кухни. Что же касается ваших преступных деяний и страхов, то знайте, что мертвец спит спокойно в своей могиле, в которую вы зарыли его, и не встанет, пока не прозвучит труба Страшного Суда. Я сегодня был там и стоял над его могилой.

Пока я говорил, старик смотрел на меня, моргая глазами; затем он опустил их и стал ломать пальцы. Ясно было, что говорить он не был в состоянии.

– Пойдемте, – сказал я, – вы должны теперь подумать и о других, вы должны пойти за мной туда, на гору, и взглянуть на судно.

Он молча повиновался, не протестуя ни единым жестом. Он медленно плелся за мной, с трудом поспевая за моими торопливыми шагами; очевидно, он совершенно утратил способность легко и быстро двигаться; он тяжело и с трудом взбирался и спускался с каждого пригорка или валуна вместо того, чтобы перепрыгивать с одного камня или валуна на другой, как он имел привычку это делать. Все мои понукания и окрики оставались бессильными против его апатии и не могли заставить его поторапливаться. Только раз он жалобно отозвался, как человек, страдающий физически: «Ну, ну, человеке, иду!..» Еще задолго до того, как мы добрались до вершины, я уже не испытывал ничего, кроме беспредельной жалости, к этому человеку. Если преступление его было чудовищно, то и наказание его было не менее ужасно.

Наконец мы достигли вершины горы и могли окинуть взглядом громадное пространство; все кругом потемнело: черное грозное небо нависло над землей и над морем, последний луч солнца угас. Поднялся ветер, не особенно сильный пока, но коварный, порывистый и изменчивый; дождь между тем перестал. Несмотря на то, что прошло так немного времени с тех пор, как я в последний раз стоял здесь, море сильно расхотилось за это время, громадные косматые волны и валы разбивались уже с шумом о подводные рифы, лежащие вне бухты, и море стонало и громко рокотало в подводных пещерах Ароса. В первый момент я тщетно искал глазами шхуну.

– А, вот она! – сказал я, указывая дяде на шхуну.

Меня поразило, что я увидел судно на этом месте, и еще больше поразило меня то, что курс, который оно держало. – Не может быть, чтобы они думали выйти в открытое море, – невольно воскликнул я.

– Именно это они рассчитывают сделать, – сказал дядя, и в голосе его слышалось что-то похожее на скрытую радость.

В этот самый момент шхуна повернула на другой галс, после чего их намерение стало настолько ясно, что не подлежало ни малейшему сомнению. Эти чужеземцы, видя приближение бури, прежде всего решили уйти в открытое море, на широкий морской простор, но при угрожавшем им ветре, в этих усеянных подводными рифами водах и при страшной силе течения и прибое, их курс вел прямо к смерти и гибели.

– Ах, Боже мой! Ведь они погибнут! – воскликнул я.

– Да, да... Все, все погибнут, – подтвердил дядя. – У них только одно спасение: идти к Кайль Дона, а через эти проклятые ворота им не пройти. Сам черт не проведет их здесь, будь он у них за лоцмана! Да, человеке, – добавил он, дотрагиваясь до моего рукава, – славная эта ночь для кораблекрушения!.. Целых два крушения за один год!.. Да, весело попляшут сегодня наши «Веселые Ребята!»

– Если бы не поздно, – воскликнул я возмущенный, – я бы сел в лодку и поехал их предостеречь!

– Нет, нет, человеке, – запротестовал дядя, – ты не должен вступаться, не должен вмешиваться в такие дела, нет, нет... На то Его Святая воля!.. – И он набожно снял шапку. – А ночь-то какая чудесная для такого случая!..

Нечто похожее на страх стало закрадываться мне в душу; я напомнил дяде, что я еще не обедал, и предложил ему вернуться домой. Но нет, ничто не могло заставить его оторваться от этого зрелища, которым он положительно упивался.

– Я должен видеть все, все до конца, понимаешь ты, Чарли? – старался он мне втолковать. – А, смотри, ведь они славно там управляются! – вдруг воскликнул он, видя, что шхуна снова повернула на другой галс. – «Christ-Anna» и сравниться с ними не могла...

Вероятно, люди на судне начали понимать грозившую им опасность, не в полном ее объеме, конечно, но все же достаточно для того, чтобы всячески стараться спасти свое обреченное на гибель судно. При каждом новом порыве капризного ветра люди на судне убеждались, с какой невероятной силой их снова относил назад течением. Они спешили убирать паруса, видя, что они мало им помогают, а громадные валы вздымались все выше и выше и пенились над подводными рифами справа и слева. Все снова и снова громадный бурун рассыпался под самым носом шхуны, обнажая на мгновение темный риф и мокрые водоросли, повисшие на нем. Люди работали, не покладая рук; всем было вдоволь работы на судне, видит Бог! И этим-то зрелищем отчаянной борьбы людей за жизнь, зрелищем, леденившим душу каждому одаренному человеческим сердцем существу, – дядя мой наслаждался и смаковал все эти страшные перипетии человеческой драмы с видом знатока. Когда я обернулся, спускаясь с горы, я увидел его лежащим на животе, с вытянутыми вперед руками, с жадно устремленным вперед взором; он казался ожившим и помолодевшим и телом, и духом.

Вернувшись домой в тяжелом угнетенном состоянии, я почувствовал себя еще более опечаленным при виде Мэри. Засучив рукава, она спокойно месила своими сильными руками тесто для хлебов. Взяв с буфета большую овсяную лепешку, я сел и стал молча есть ее.

– Ты, видно, утомился, парень? – спросила Мэри немного погодя.

– Я не столько утомился, Мэри, – ответил я, вставая, – сколько меня томит проволочка, а быть может, и само пребывание на Аросе. Ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы безошибочно судить обо мне: ты знаешь, чего я хочу. Но во всяком случае знай, что тебе лучше быть где угодно, только не здесь.

– Я знаю только одно, – возразила она, – что буду там, где мне повелевает быть мой долг.

– Ты забываешь, что у тебя есть долг и к самой себе, – заметил я.

– Ах, Чарли, уж не в Библии ли ты это вычитал? – спросила она, продолжая месить руками тесто.

– Послушай, Мэри, ты не должна теперь шутить со мной, – сказал я почти торжественно. – Видит Бог, я сейчас не в настроении смеяться. Слушай, что я тебе скажу. Если нам удастся уговорить твоего отца, это было бы, конечно, всего лучше, но с ним ли, или без него, я хочу видеть тебя далеко отсюда, дитя мое; пойми, что и ради тебя самой, и ради меня, а также ради твоего отца, хочу, чтобы ты была далеко-далеко отсюда. Я приехал сюда с совершенно другими намерениями; я приехал сюда, как человек едет домой к себе, в свой родной дом. Но теперь все изменилось, теперь у меня только одно желание, одна мечта, одна надежда, это бежать отсюда! Именно бежать, бежать с этого проклятого острова.

Мэри прервала свою работу и смотрела на меня.

– Что же ты думаешь, – сказала она, когда я закончил, – что у меня нет глаз, нет ушей? Неужели ты думаешь, что сердце мое не разрывается от присутствия в доме всей этой «бронзы», – как он ее называет, прости его Господи! – которую я хотела бы выбросить в море? Или ты думаешь, что я жила здесь все время день за днем с ним и не видела того, что ты увидел в несколько часов? Нет, Чарли, – продолжала она – я знаю, что у нас что-то неладно, что есть тут какой-то грех. Какой именно и в чем он, я не знаю; я не знаю, да и не хочу знать. Не хочу, потому что никогда еще дурное дело не было исправлено тем, что другие люди вмешивались в него; по крайней мере, я никогда не слыхала об этом; но вот, что я скажу тебе, друг, – не требуй от меня никогда, чтобы я оставила отца! Пока он жив, пока он дышит, я останусь подле него. Он не жилец на этом свете, – недолго он протянет, это я тебе говорю. Помни мое слово, Чарли, недолго он будет с нами; я вижу печать смерти на его челе, – и быть может, это и к лучшему.

Я некоторое время молчал, не зная что сказать, а когда я поднял голову, чтобы ответить ей, она встала и с некоторой торжественностью произнесла:

– Чарли, то, что повелевает мне мой долг, не может быть обязательным для тебя; то, с чем должна мириться я, с тем ты не должен мириться. Над этим домом тяготеет грех, и несчастье носится над ним, но ты посторонний человек; забирай свое добро и уходи отсюда, уходи в иные, лучшие места, к другим, лучшим людям; но если бы тебе когда-нибудь вздумалось вернуться сюда, хотя бы через двадцать лет, ты все равно найдешь меня той же; я всегда буду ждать тебя.

– Мэри Эллен! – воскликнул я. – Я просил тебя быть моей женой, и ты почти сказала мне да, так оно и будет! И где ты будешь, там буду и я; а за все остальное я отвечу Богу.

Когда я это сказал, сильный шквал с бешенством пронесся в воздухе и как будто замер и, притаившись, дрожал вокруг дома у Ароса. Это был первый шквал, предвестник надвигавшегося шторма. Мы вскочили и осмотрелись; кругом все потемнело, точно на землю спустились сумерки ночи.

– Сжался, Господи, над всеми несчастными, кто теперь в море! – сказала Мэри. – Мы теперь не увидим отца до завтрашнего утра, – добавила она со вздохом, и затем рассказала мне о том, как произошла с дядей эта перемена.

Всю прошлую зиму он был мрачен, раздражителен и всякий раз, когда Руст бушевал, или, как выражалась Мэри, «Веселые Ребята» принимались плясать свою адскую пляску, он целыми часами лежал на мысе или на вышке дома, если это было ночью, или же на вершине Ароса, если дело было днем, и следил за прибором, пожирая глазами горизонт, высматривая, не покажется ли где-нибудь парус. После десятого февраля, когда судно, обогатившее их всяким добром, было выброшено на берег в Сэндэгской бухте, он был первое время необычайно весел и возбужден; и возбуждение его с тех пор отнюдь не падало, а только видоизменялось, становясь все более и более мрачным. Он сам ничего не делал и постоянно отрывал Мэри от работы. Они вместе с Рори забирались на крышу дома, где вышка, и там беседовали целыми часами, вполголоса, почти шепотом, и так таинственно, что их можно было бы заподозрить даже в чем-нибудь преступном. И когда она спрашивала того или другого, что она вначале иногда делала, то оба они как-то конфузились и старались отделаться от ее расспросов с видимым замешательством. С того времени, как Рори впервые заметил рыбу, следовавшую неиз-

менно за лодкой, хозяин его, то есть дядя, только один-единственный раз был на мысе Росс, и это было в разгар весны; он перешел пролив вброд во время отлива, но замешкавшись дольше, чем он рассчитывал, на той стороне, он оказался отрезанным от Ароса, так как с приливом вода в проливе поднялась. С диким криком ужаса перескочил он через пролив и добежал до дома, трясаясь от страха как в лихорадке. С того времени какой-то непреодолимый ужас перед морем неотступно преследует его, неотвязчивая мысль о море, об ужасах моря не покидает его ни на минуту, и даже когда он молчит, этот страх читается у него в глазах.

К ужину пришел только один Рори, но немного позднее явился и дядя. Он взял подмышку бутылку коньяка и краюшку хлеба в карман, и снова побегал на свой наблюдательный пункт, на этот раз в сопровождении Рори. Из их разговора я узнал, что шхуна постепенно подается вперед, – но что экипаж все еще продолжает бороться против беспощадной стихии, оспаривая у нее каждый дюйм с безнадежным упорством и геройским мужеством. И это привело меня в еще большее уныние. Самые черные мысли преследовали меня.

Вскоре после заката буря разразилась во всей своей бешеной силе; такой страшной бури я еще не видывал летом, а судя по тому, с какой быстротой она надвигалась, даже и зимой я ничего подобного не видал. Мэри и я, мы сидели молча, прислушиваясь, как скрипел и трещал над нами дом, как кругом завывала буря, а капли дождя, попадая через трубу камина на огонь в очаге, зловеще шипели на горячих углях. Мысли наши были далеко, с теми несчастными, там, на море, или с моим не менее несчастным дядей, мокнувшим и дрогнувшим на узком выступе скалы. Но каждый новый порыв бури, каждый новый налетевший шквал пробуждал нас к действительности, заставлял вздрагивать и прислушиваться, как стонали, словно живой человек, стропила дома, как ветер с воем врывался в трубу камина, высоко вздувал в нем пламя и вдруг разом замирал. И сердца наши бились шибче и тревожней. А вновь налетевший шквал то подхватывал со всех четырех углов крышу и, казалось, был готов сорвать ее, и ревел, как разъяренный Левиафан, то внезапно стихал, и, жалобно завывая, как будто баюкая кого-то, врывался в комнату и наполнял ее своим холодным, влажным дыханием, вызывая в нас дрожь и заставляя волосы наши дыбом подыматься на голове в тот момент, когда проносился между мной и Мэри, сидевшими друг подле друга у очага.

И опять ветер принимался жалобно и уныло завывать в трубе, под окном и вокруг дома и протяжно выл и рыдал тихими жалобными звуками флейты, похожими на вопли и стоны людей.

Было, вероятно, около восьми часов вечера, когда Рори вошел в кухню и с порога таинственно поманил меня к двери. Видно, дядя на этот раз напугал даже и своего неизменного товарища, и Рори, встревоженный его странным поведением, позвал меня и просил, чтобы я пошел вместе с ним сторожить дядю. Я поспешил исполнить его желание с тем большей готовностью и охотой, что и сам я, под давлением безотчетного страха и чувства леденящего ужаса, в этой наэлектризованной грозовой атмосфере испытывал непреодолимую потребность действовать и двигаться. Мое беспокойное, душевное состояние побуждало меня идти и предпринять что бы то ни было, лишь бы только не сидеть здесь в томительном бездействии, прислушиваясь к вою бури. Сказав Мэри, чтобы она ни о чем не тревожилась, так как я обещаю ей оберегать ее отца, я укутался потеплее пледом и последовал за Рори.

Несмотря на то, что стояла середина лета, ночь была темная, как в январе. Моменты густых сумерек чередовались с минутами полнейшего мрака, и не было никакой возможности проследить причину этих быстрых перемен по несущимся по небу облакам. От сильного ветра захватывало дух; в глазах рябило; все небо и вся атмосфера кругом содрогались от страшных ударов грома; казалось, будто гигантский черный парус развернулся и бился у вас над головой, а когда ветер над Аросом на мгновение стихал, было слышно, как он жалобно и зловеще завывал в отдалении. И над всеми долинами и равнинами Росса ветер гулял так же свободно, как и в открытом море. Одному только Богу известно, что за ужасы творились там, вокруг вершины

мрачного великана Бэн-Кью. Ключья морской пены и брызги дождя били нам в лицо. Вокруг всего Ароса прибой с непрерывным ревом и стоном неистово бился о прибрежные скалы, опережая свирепые буруны, стремительно налетающие на подводные рифы и с громом рассыпавшиеся вокруг них, или перекатывавшиеся и перескакивавшие через них. И шум волн слышался то громче в одном месте, то тише в другом, точно то был оркестр, играющий в унисон, а над всем этим морем звуков, то грозных, то жалобных, покрывая их все своим могучим хором, слышались изменчивые голоса Руста и перемежающийся шум и рев «Веселых Ребят». В этот момент мне вдруг стало понятно, почему эти буруны получили странное название «Веселых Ребят». Их шум казался почти радостным, когда он покрывал и рев бури, и стоны прибоя, и вой и гудение волн, и завывание ветра в эту страшную ночь. Да, только они одни, можно сказать, весело шумели, шумели громче всего, и как бы ни на что не смотря, забавлялись своей неистойвой пляской; в их голосах слышалось даже что-то человеческое. Как опившиеся до потери рассудка дикари неистовствуют и орут, утратив способность издавать членораздельные звуки, горланят все вместе, в безумном опьянении, так именно звучал в эту ночь в моих ушах своеобразный, грозный и вместе с тем разгульный и веселый рев «Веселых Ребят» – этих страшных бурунов, бушующих у Ароса, словно потешаясь своим диким неистовством.

Взявшись под руки и спотыкаясь на каждом шагу, под напором валившего нас с ног ветра, Рори и я с невероятным трудом, шаг за шагом, подвигались вперед. Мы спотыкались в мокрой траве, падали на облитых дождем и брызгами скалах и камнях, на которых скользили и разъезжались ноги; разбитые, измученные, промокшие и задыхающиеся, мы добрались не раньше чем через добрых полчаса от дома, лежащего внизу, до оконечности мыса, возвышающейся над Рустом. Это был излюбленный наблюдательный пункт дяди. Как раз в том месте, где утесы всего выше и где они почти отвесно спускаются в море, большая земляная глыба на самом краю утеса образовала род парапета, могущего служить защитой от ветра. Здесь можно было спокойно сидеть и наблюдать прилив и борющиеся с ним зеленые валы прибоя; как из окна комнаты в доме можно смотреть на уличную драку, так точно можно было смотреть отсюда на бушующих внизу «Веселых Ребят». В такую ночь, конечно, приходилось смотреть в черный мрак, среди которого бурлили, кипели и кружились, как на мельничном колесе, косматые волны, где они сшибались с силой взрыва, а пена и брызги взлетали на невероятную высоту и затем в мгновение ока разлетались мелкой водяной пылью. Никогда еще я не видел «Веселых Ребят» такими неистово бурными и бешено свирепыми; эту дикую разнузданность, эту необычайную вышину всплесков и эту силу и быстроту их налета надо было видеть, потому что они не поддавались никакому описанию. Высоко-высоко у нас над головами, когда мы стояли на вершине утеса, вздымались и вырастали во тьме белые столбы пены, и в тот же момент исчезали как призраки. Иногда два-три таких столба вырастали и пропадали в одно мгновение, а иногда их подхватывал порыв ветра, и тогда нас обдавало брызгами и пеной, словно на нас налетела волна. И все же зрелище это не столько подавляло своей силой и величием, сколько ошеломляло своим шумом и движением, – мысль цепенела от этого одуряющего страшного шума, непрерывно возрастающего и падающего; какая-то почти веселящая пустота воцарялась в мозгу; наступало состояние, близкое к острому умопомешательству. Минутами я ловил себя на том, что, следя за бешеной пляской «Веселых Ребят», я подпевал им, вторя их голосам.

Мы еще были в нескольких саженьях от дяди, когда я впервые увидел его в один из мимолетных проблесков полусвета среди окружающей тьмы этой черной ночи. Он стоял за парапетом с откинутой назад головой и тянул из бутылки, которую он держал обеими руками. Когда он отнял бутылку от рта, он увидел и узнал нас, в знак чего махнул нам рукой.

– Разве он пьет? – крикнул я Рори.

– О, он всегда напивается, когда ветер ревет, – отвечал Рори на таких же высоких нотах, потому что иначе ничего нельзя было бы здесь расслышать.

– Стало быть... и в феврале... он тоже был пьян? – допрашивал я.

Рорино «да» несказанно обрадовало меня. Значит, и убийство он совершил не хладнокровно, не с заранее обдуманым расчетом; это, вероятно, было сделано под воздействием пьяного безумия, которое могло служить оправданием даже на суде. Значит, дядя мой был просто опасный помешанный, если хотите, а не жестокий и низкий преступник, как я того опасался. Но что за странное место для попойки! Какой ужасный порок развился у дяди, да еще при какой невероятной обстановке предавался он ему, бедняга! Я всегда считал пьянство диким и почти страшным наслаждением, опасной и безобразной страстью, скорее демонической, чем человеческой; но пьянство здесь, в такую страшную минуту! Среди всего этого невероятного хаоса разбушевавшихся и обезумевших стихий и волн стоять с затуманенной головой, в которой все стучит и клокочет, как там, на Русте, со спотыкающимися ногами на краю бездны, на волосок от смерти, и ловить жадным ухом звуки, возвещающие гибель человеческих жизней, – это казалось мне совершенно невероятным, положительно невозможным для такого человека как дядя, суеверного, верящего в проклятия и возмездие и постоянно преследуемого мрачными опасениями и беспочвенными страхами. А между тем это было так. И когда мы добрались наконец до вершины и очутились под защитой парапета и могли отдохнуть и перевести дух, я увидел, что глаза его светились недобрым блеском и как-то зловеще сверкали в темноте.

– А что, Чарли, человеке, ведь это великолепно, не так ли? Посмотри-ка на них, как они пляшут! – крикнул он мне и потащил меня к самому краю обрыва, висевшего над черной бездной, откуда доносился оглушительный шум и подымались до нас целые облака белой пены. – Гляди на них, человеке! Смотри, как они пляшут сегодня чертовски! А?

Слово «чертовски» он произнес с особым вкусом, и мне показалось, что и самое слово, и та манера, какой оно было произнесено, одинаково соответствовали данному моменту и разыгрывающейся на наших глазах сцене.

– Это они вот о той шхуне, – продолжал дядя, и его тоненький визгливый голосок явственно слышался здесь, в прикрытии, за парапетом. – И видишь то судно – оно все ближе... все ближе подходит... да, все ближе и ближе!.. И они там, на судне, знают... все хорошо знают, что их песенка спета... И знаешь, Чарли, мой славный парень, ведь они все там пьяны... все пьяны, говорю я тебе!.. Все мертвецки пьяны! И на «Крист-Анне» они тоже все были пьяны под конец, поверь мне; никто не может тонуть в море не напившись! Без водки тут никак нельзя!.. Да ты не разевай рта, разве ты что-нибудь можешь знать об этом! – вдруг крикнул он в припадке беспричинного гнева. – Я тебе говорю, что быть этого не может! Они не осмелятся без водки; смелости у них не хватит утонуть без нее... На вот, хлебни! – добавил он, протягивая мне бутылку.

Я хотел было отказаться, но Рори украдкой дернул меня, как бы желая предостеречь, да и сам я уже передумал на этот счет, и потому, взяв из рук дяди бутылку, не только хорошенько хлебнул из нее, но успел еще и выплеснуть значительную долю ее содержимого. Это был чистый спирт, от которого у меня захватило дыхание так, что я едва мог проглотить его. Дядя не обратил внимания на убыль в бутылке, но снова, закинув назад голову, стал тянуть из нее до тех пор, пока не выпил все до последней капли, а затем, громко рассмеявшись, он швырнул пустую бутылку «Веселым Ребятам», которые как будто нарочно шумно рванулись вперед, чтобы поймать ее налету.

– Гей, чертовы ребята! – крикнул он. – Вот на вашу долю!.. Может, вы завтра добрее станете.

И вдруг из черного мрака ночи – не далее как в двухстах шагах от нас, – в момент, когда ветер на минуту затих, мы явственно услышали человеческий голос, резкий и отчетливый. Но в то же мгновение ветер с диким воем налетел на мыс, Руст заревел и забурился оглушительно и «Веселые Ребята» бешено заплясали с каким-то диким озлоблением. Но все же мы слышали звук этого голоса, и он продолжал звучать у нас в ушах, и мы знали, что обреченное на гибель судно переживает свою предсмертную агонию, что оно гибнет в нескольких саженях от нас, и

что мы слышали голос его командира, отдававшего последние приказания. Сбившись в кучу у самого края утеса, мы с напряжением ловили каждый звук, и все чувства и ощущения наши сводились к одному безумно мучительному ожиданию неизбежной развязки... Но нам пришлось долго ждать, и эти бесконечные минуты казались нам годами. И вот на одно краткое мгновение мы увидели шхуну на фоне громадного столба сверкающей белой пены. Я как сейчас вижу ее с убранными парусами, с болтающимся, сорванным гротом, в тот момент, когда мачта тяжело рухнула на палубу; я как сейчас вижу черный силуэт злосчастного судна, и мне кажется, что я различаю на нем темную фигуру человека, склонившегося над рулем. Но все это минутное видение исчезло с быстротой молнии. Тот же вал, что так высоко поднял его на свой гребень, – он же и поглотил злополучное судно и похоронил его навеки в бездонной пучине морской. Душераздирающий предсмертный крик слившихся в один вопль десятков человеческих голосов огласил воздух, но был тотчас же заглушен треском и шумом и ревом «Веселых Ребят». Так разыгрался в одно мгновение последний акт этой тяжелой трагедии: мощное судно со всем его достоянием и, быть может, даже с лампой, горевшей еще в каюте в последний момент, со всеми этими человеческими жизнями, столь драгоценными для их близких и родных и уж, во всяком случае, ценными для них самих, – все это в одно мгновение пошло ко дну среди водоворота бушующих волн. Все они канули в вечность точно сон. А ветер все еще продолжал свирепствовать и шуметь, и холодные бездушные волны продолжали нагонять друг друга, сшибаться, перескакивать и раскатываться там, на Русте, как будто ничего не случилось.

Долго ли мы там пролежали все трое, прижимаясь друг к другу, безмолвные и неподвижные, – этого я не знаю, но думаю, что долго. Наконец мы один за другим, почти механически сползли вниз под защиту земляного парапета. И в то время, как я лежал там совершенно разбитый и не вполне сознавая, что со мной, с вяло бьющимся сердцем и мутящимися мыслями, я услышал, как дядя мой бормотал что-то вполголоса совершенно изменившимся печальным голосом:

– Так бороться, как им пришлось, беднягам... так бороться... так тяжело бороться... да... да... – И вдруг он начал плакаться: – И все то добро пропало... все пропало!.. И никому не достанется, потому что судно затонуло среди «Веселых Ребят», вместо того, чтобы выброститься на берег... как «Christ-Anna». – И это имя все снова и снова возвращалось в его бреду, и он каждый раз произносил его с ужасом и содроганием.

А буря между тем быстро начинала стихать. Через каких-нибудь полчаса ветер, неистовствовавший и ревеливший, как бешеный зверь, спал до легкого ветерка, и вместе с тем пошел холодный, тяжелый, шлепающий дождь. Вероятно я тогда заснул, а когда я пришел в себя, промокший, прозябший, почти окоченевший, с тяжелой головой и разбитым телом, на небе уже начался день, серый, сырой, неприятный день. Ветер дул слабыми капризными порывами, прилив окончился. Руст был сравнительно вялый, точно сонный, и только сильно ударявший о берег прибой на всем протяжении побережья Ароса свидетельствовал еще о свирепствовавшей всю ночь буре.

Глава V

Человек, вышедший из моря

Рори направился домой, чтобы обогреться и поесть; но дядя захотел непременно обследовать все побережье Ароса, и я счел своим долгом сопровождать его повсюду. Теперь он был кроток и спокоен, но, видимо, сильно ослабел; ноги у него дрожали, чувствовался полный упадок сил, физических и умственных. С настойчивостью ребенка он продолжал свое обследование, спускался до самого подножья скал, бежал за отступающим прибоем. Малейшая разбитая доска или обрывок снасти казались ему сокровищами, ради которых стоило подвергать опасности свою жизнь. Видеть, как он едва держась на своих слабых, дрожащих ногах, ежеминутно подвергался опасности быть унесенным прибоем или попасть в предательскую волчью яму, поросшую бурьяном среди скал, приводило меня в ужас. Моя рука постоянно была готова ухватить его, поддержать и удержать за куртку, когда он падал или спотыкался; мало того, я помогал ему вытаскивать из воды всякие ни на что не нужные и ни к чему не пригодные щепки, рискуя ежеминутно быть подхваченным волной. Нянька, сопровождающая семилетнего ребенка, не могла бы сделать больше.

Но как он ни был ослаблен реакцией, наступившей после возбуждения и безумия вчерашней ночи, душевные ощущения и переживания его оставались переживаниями сильного по своей натуре человека. Его страх перед морем, хотя и побежденный в данное время неудержимым желанием жалкой наживы от утонувшего судна, не утратил своей прежней остроты, и если бы море представляло собой огненное озеро, дышащее языками пламени, он едва ли бы отшатывался от него в большем паническом страхе, чем от прикосновения воды. Однажды, когда он, поскользнувшись, попал ногой в образовавшуюся от прибоя лужу, он вскрикнул так, как только может вскрикнуть человек в предсмертной агонии. После того он долгое время стоял неподвижно, тяжело дыша, как загнанная охотничья собака. Но жажда поживиться чем-нибудь от кораблекрушения была в нем до того сильна, что восторжествовала даже над этим его страхом. И он снова, спотыкаясь и шатаясь от слабости, лез к оставшимся на песке клубам пены, полз вдоль прибрежных утесов, о которые разбивались ленивые слабые валы, и с невероятной жадностью ловил плавшую доску, щепку или бревно, которое едва ли даже годилось на то, чтобы бросить его в огонь. Но как ни радовался он всем этим приобретениям, он тем не менее продолжал все время роптать на свою неудачу, жаловаться, что ему нет счастья.

– Арос, – сказал он, – вовсе не место для кораблекрушений. За все годы, что я здесь живу, это всего только второе; да и то все лучшее добро пошло ко дну...

– Дядя, – обратился я к нему в тот момент, когда мы находились на голой полосе желтого берегового песка, где положительно нечего было искать, потому что все было видно как на ладони на большом расстоянии, а следовательно, ничто не отвлекало его внимания, – дядя, я видел вас вчера в таком состоянии, в каком я никогда не думал вас увидеть. Вы были пьяны.

– Ну, ну, – возразил он довольно добродушно, – уж и пьян!.. Нет, пьян я не был, но я пил, да! И если сказать тебе, человеке, божескую правду, я тут ничего поделать не могу. Нет человека трезвее меня, когда я в добром порядке; но когда я услышу, как завывает ветер, то я убежден, что я должен пить... Понимаешь ты это? Должен! Не могу иначе!

– Вы человек религиозный, дядя, – заметил я, – а ведь это грех.

– Еще бы! – отозвался он. – Да ведь если бы это не было грехом, разве я стал бы пить? Что мне за охота? Видишь ли ты, человеке, ведь это я назло делаю, это, так сказать, вызов ему с моей стороны, вот это что! Много, много греха тяготеет над морем, старого, мирового греха... Нехристианское это дело, пьянство, но это вызов ему, я знаю, и как только море забушует и ударит ветер, – и ветер, и море, ведь они друг другу сродни, я полагаю, потому что они

всегда действуют заодно, – и «Веселые Ребята», эти воплощенные черти, захохочут, заревут, запляшут, а там бедняги борются всю долгую ночь, и их несчастное судно кидает из стороны в сторону и бьет волнами, тогда на меня находит... словно колдовство какое, и я чувствую, что весь перерождаюсь, и знаю, что я дьявол, воплощенный дьявол! И тогда я не думаю о тех беднягах, что в смертельном страхе и ужасе борются за свою жизнь, мне не жаль их, я весь на стороне моря, я заодно с ним, с этими коварными, бездушными, безжалостными валами, – я словно один из тех «Веселых Ребят».

Я полагал, что мне удастся тронуть его сердце, задев его за его больное место. Я повернулся лицом к морю, где прибой весело бежал к берегу, где увенчанные белыми пенистыми гривами, развевающимися у них на хребтах, веселые резвые волны догоняли одна другую и рядами выбегали на берег, на пологий песчаный берег, где они на скакивали друг на друга, перепрыгивали одна через другую, изгибались дугой и раскатывались мелкими струйками по твердому, мокрому песку пологой песчаной отмели. Если бы не соленый морской воздух и не мечущиеся с криком испуганные чайки, эти белогривые волны прибоя казались бы широко развернувшейся армией морских конных ратников на белогривых конях, сдержанным ржанием приветствующих друг друга, которая выезжает дружными рядами на берег, чтобы взять приступом Арос. Перед нами же, у самых наших ног, лежала совершенно ровная плоская полоса песка, которой волны прибоя, несмотря на их численность, силу и мощь, никогда не могли перейти.

– Положен предел, его же не перейдешь, – сказал я, цитируя слова священного писания и указывая дяде на плоскую песчаную отмель у наших ног. И при этом я с особенной торжественностью продекламировал стихи, которые я не раз применял к музыке наших бурунов:

Но Бог, что там на небесах,
Велик и силен, и могуч.
Пред Ним ничто
И моря бешеные волны,
И шум ветров, и грозный вой прибоя...

– Ах, да, – отозвался на это дядя, – да, в конце концов Господь, конечно, надо всем восторжествует! В этом я несколько не сомневаюсь. Но здесь-то, на земле, глупые грешные люди осмеливаются бросать Ему вызов в лицо. Это неразумно. И я не говорю, что это разумно или хорошо, нет, но это дает человеку право гордиться собой. Это наслаждение жизни, это верх удовлетворения!

Я ничего на это не возразил. Мы теперь пересекали узенький перешеек, отделявший нас от Сэндэгской бухты, и я решил воздержаться от дальнейшего увещания этого заблудшего человека до того момента, когда мы с ним будем стоять на том месте, которое неразрывно должно быть связано в его воображении с воспоминанием о совершенном им преступлении. И он также не стал далее развивать эту тему, но шел теперь рядом со мной твердым, уверенным шагом. Несомненно было, что мое обращение к нему не пропало даром; оно подействовало на него, как возбуждающее средство; он; по-видимому, забыл про свое увлечение поисками негодных обломков и впал в глубокое и мрачное раздумье, носившее волнующий и возбужденный характер; казалось, он чем-то был сильно потрясен и взволнован. Минуты три-четыре спустя мы были уже на вершине пригорка и начали спускаться к Сэндэгской бухте. Буря значительно повредила разбившееся здесь судно; форштевень перевернуло и оттащило несколько ниже к воде, а корму как будто выдвинуло немного повыше, так что теперь обе половины лежали совершенно отдельно на песке. Когда мы подошли к могильному холму, я остановился, обнажил голову, несмотря на сильный дождь, и тогда прямо в лицо моему родственнику произнес:

– Волей Божьей одному человеку дано было спастись от смертельной опасности и общей гибели. Он был нищ, он был наг, он был голоден, он озяб и устал, потому что был измучен и горем, и страхом, и ужасом, и борьбой за свою жизнь, и он был чужестранец в этой пустынной и неприветливой местности. Он имел все права на твою жалость и твое гостеприимство; быть может, он был солью земли, человек добродетельный, добрый, разумный, полный лучших и благородных надежд, а может быть, он был обременен грехами и проступками, для которого смерть являлась началом вечных мучений. И я спрашиваю тебя пред лицом неба, Гордон Дарнэуей, где этот человек, за которого Сам Христос положил свою жизнь?

При последних словах моих он заметно вздрогнул, но никакого ответа не последовало, и лицо его не выразило никакого чувства, кроме смутной тревоги.

– Вы были братом моего отца, – продолжал я, – и вы научили меня смотреть на вас как на родного, и на ваш дом как на мой родной дом. Оба мы с вами люди грешные, рожденные и ходящие во грехе перед лицом Всевышнего. Но милосердный Бог путем греха и зла ведет нас к добру и спасению; мы грешим, я не скажу, что по Его Святой воле, но с Его соизволения. Он допускает нас совершать грех, потому что для каждого, не озверевшего еще человека, грех есть начало исправления, начало покаяния, ведущего к спасению. Бог пожелал предостеречь вас этим страшным грехом. И теперь еще Он хочет вразумить вас и этой могилой, лежащей у ваших ног, этой кровавой могилой. Но если и после всего этого не последует ни раскаяния, ни исправления, ни возвращения к Богу, то что можем мы ожидать в будущем, если не страшного и примерного Суда Божия!..

И пока я еще говорил, я заметил, что взгляд его уклонялся куда-то в сторону, и странная, неописуемая перемена произошла в его лице: все черты его как будто съежились, всякая краска сбежала с его лица, рука нерешительным дрожащим жестом поднялась, указывая куда-то в пространство через мое плечо, тогда как с уст его чуть слышно сорвались так часто повторяемые им слова: «Christ-Anna».

Я обернулся в указанном направлении, и хотя я не был потрясен в той мере, как дядя, так как, благодарение Богу, я не имел к тому основания, тем не менее и я был поражен тем, что представилось моим глазам.

Человеческая фигура ясно вырисовывалась на трапе, ведущем в каюту разбившегося судна; он стоял к нам спиной и, по-видимому, всматривался в даль открытого моря, прикрывая глаза рукой; вся его фигура во весь, по-видимому, богатырский рост отчетливо выделялась на фоне неба и моря. Я уже много раз говорил, что я вовсе не суеверен, но в этот момент, когда мысли мои были заняты думами о смерти, грехе и преступлении, такое неожиданное появление человека на этом острове вызвало во мне недоумение и удивление, близкое к ужасу. Казалось почти невероятным и невозможным, чтобы хоть одна живая душа могла спастись вчера в эту страшную бурю, чтобы хоть один человек мог добраться живым до берега, при том состоянии моря, в каком оно было в эту ночь у берегов Ароса. И единственное судно, бывшее накануне на моих глазах, пошло ко дну среди неистовствовавших «Веселых Ребят». Мной овладели сомнения, нестерпимо мучительные сомнения, от которых мутится ум. Чтобы положить им конец, я выступил вперед и окликнул человека на судне. Он тотчас же повернулся к нам лицом, и мне показалось, что и он был удивлен, увидев нас. При этом все мое присутствие духа и самообладание разом вернулись ко мне, и я стал кричать ему и делать знаки, приглашая его подойти ближе. Тогда он, недолго думая, спустился на песчаную отмель и стал медленно подвигаться вперед, ближе к нам, много раз останавливаясь как бы в нерешимости. С каждым новым проявлением его тревоги или беспокойства, я чувствовал себя все более успокоенным и уверенным. Я сделал шаг вперед, кивая ему головой и делая знак рукой, чтобы он продолжал идти вперед. Ясно было, что до этого человека дошли рассказы о негостеприимстве нашего острова, и потому мы внушали ему некоторые опасения; и действительно, в это время население, живущее немного дальше к северу, пользовалось весьма печальной репутацией.

– Ай! – невольно воскликнул я, когда неизвестный подошел несколько ближе. – Ведь это чернокожий!

И в этот самый момент дядя мой принялся клясться и божиться, проклинать и молиться вперемешку страшным изменившимся, совершенно неузнаваемым голосом, подавленной скороговоркой, изливая целый поток неясных, странных слов.

Я взглянул на него. Он упал на колени, лицо его исказилось до неузнаваемости, на нем отразился смертельный страх. С каждым новым шагом неизвестного голос его становился все крикливее и пронзительнее, речь его лилась быстрее и с большей страстностью. Я хотел бы назвать это словоизлияние молитвой, потому что оно было обращено к Богу, потому что имя Божье призывалось в нем, но никогда еще столь ужасные, бессвязные, безумные слова не были обращены к Творцу Его созданием, и если молитва может быть грехом, то такая молитва была несомненно греховна, более того, она была кощунственна!

Я подбежал к дяде, схватил его за плечо и заставил его подняться на ноги.

– Замолчи! – крикнул я. – Чти, человек, Господа, своего, если не в делах твоих, то хоть в словах твоих! Пойми, что здесь, на самом месте, оскверненном твоим проступком, Бог посылает тебе возможность искупить или хоть отчасти загладить твой грех!.. Прими же эту милость Божью с благодарностью и умилением и прими в свои объятия, как родное дитя, это несчастное создание, просящее у нас милосердия и защиты.

И с этими словами я старался заставить его пойти навстречу чернокожему; но он сшиб меня с ног, осыпая меня бешеными ударами, вырвался от меня, оставив в моих руках клочок своей куртки, и понесся вверх, в гору, по направлению к вершине Ароса, как олень, преследуемый гончими. Я поднялся на ноги, ошеломленный и ушибленный; негр между тем остановился в недоумении, быть может, в ужасе, приблизительно на полпути между разбитым судном и мной. Дядя был уже далеко; он перескакивал с камня на камень, со скалы на скалу, так что я оказался на распутье между двумя призывавшими меня обязанностями. Подумав, я решил, и теперь благодарю Бога, что решил по справедливости, – я решил в пользу несчастного, пострадавшего при кораблекрушении негра; его несчастье произошло по крайней мере не по его вине; кроме того, это был человек, который, без сомнения, мог ожить, а я к этому времени начинал уже убеждаться, что дядя мой был неизлечимый и жалкий помешанный. Согласно своему решению, а пошел навстречу негру, который теперь стоял и, по-видимому, ждал, чтобы я подошел к нему. Он сложил руки на груди и стоял неподвижно, словно он был одинаково готов ко всему, что бы ни сулила ему судьба.

Когда я приблизился к нему, он протянул вперед руку ораторским жестом и заговорил несколько приподнятым и торжественным ораторским тоном на языке, из которого я не понял ни слова. Я сначала попробовал заговорить с ним по-английски, затем по-гэльски, но тщетно, так что обоим нам стало ясно, что надо переходить на взгляды и жесты. Я сделал ему знак следовать за мной, что он и исполнил с полной готовностью, но в то же время и с величавым, спокойным достоинством низвергнутого короля. Во все это время в его чертах не произошло ни тени заметной перемены; его лицо не выражало ни страха, ни опасений в то время, когда он стоял и ждал моего приближения; точно также не отразилось на нем ни чувства радости, ни облегчения, когда он наконец убедился в моем дружелюбном отношении к нему. Если он был раб, как я предполагал, то, во всяком случае, я был убежден, что вижу перед собой в его лице не простолюдина, а падшее величие, что у себя на родине он несомненно был человеком, занимавшим высокое положение. И теперь, видя его в его падении, я не мог надивиться тому такту и чувству достоинства, с каким этот человек умел держать себя, даже и в столь необычайных условиях. Проходя мимо могильного холмика, я остановился и, воздев руки и глаза к небу, набожно склонил голову в знак моего уважения к усопшему и моей скорби о нем. Как бы следуя моему примеру, неизвестный низко склонился всем корпусом и широким, плавным движением раскинул руки в стороны. Этот жест показался мне странным, но у него он вышел

как обычное, общепринятое в таких случаях движение, и я подумал, что, вероятно, таков обычай в его стране.

Затем он указал мне на дядю, который, взобравшись на верхушку пригорка, на значительном расстоянии от нас, скорчившись, присел там, вероятно, чтобы отдохнуть, и боязливо озирался назад; отсюда нам прекрасно было видно его, и, указав на него, неизвестный слегка коснулся своего лба, как бы желая этим сказать, что ему кажется, что этот человек не в здравом уме. Я утвердительно кивнул головой, и мы пошли дальше. Мы шли дальним путем, в обход, все берегом; я побоялся идти напрямик, опасаясь встревожить дядю еще больше. Идя окружным путем, у меня было достаточно времени воспроизвести перед моим спутником небольшую мимическую сцену, с помощью которой я рассчитывал выяснить некоторые интересовавшие меня обстоятельства. Остановившись на краю скалы, я старательно проделал все, что делали вчера на берегу Сэндэгской бухты вооружившиеся компасом незнакомцы. Мой собеседник сразу уловил мое намерение и тут же сам продолжал дальше представлять эту самую сцену. Прежде всего он указал мне место, где находилась шлюпка, и тот пункт, на котором в тот момент стояла шхуна, а затем длинным выразительным жестом обвел всю линию берега и при этом произнес слова «Espiritu Santo», выговорив их весьма своеобразно, но все же так, что их можно было понять. Из этого я заключил, что был прав в своем предположении, и что все это историческое исследование было нечто иное, как благовидный предлог, под которым скрывалась самая низменная жажда наживы в поисках затонувших сокровищ, и что человек, одурачивший доктора Робертсона, был тот самый господин в золотых перстнях, приехавший сюда весной для ознакомления с Гризаполем и его окрестностями и вернувшийся теперь снова сюда для того, чтобы вместе с еще многими несчастными уснуть мертвым сном между подводными рифами Руста, у Ароса. Сюда их привела их алчность, жажда наживы, сюда, где их кости должны будут стать игрушкой подводных течений и беснующихся бурунов.

Между тем чернокожий продолжал мимически представлять знакомую мне сцену; он делал это великолепно: то он указывал на небо, словно видя на нем приближение бури, то обычным у моряков движением руки как будто сзывал всех на борт; то имитируя вчерашних незнакомцев, бежал по краю утеса и спешил сесть в лодку; потом изображал, как тяжело приходится гребцам работать веслами, когда гребешь против течения. И все это он передавал так серьезно, так деловито, что у меня ни на секунду не явилось желание хоть бы только улыбнуться. Наконец он дал мне понять с помощью все той же выразительной пантомимы, которую невозможно передать в словах, что сам он отправился осмотреть разбившееся судно и, к великому своему негодованию и огорчению, был покинут там своими товарищами, спешившими скорее добраться до шхуны и предоставлен его судьбе. В заключение он гордо выпрямился, скрестив на груди руки, и опустил голову, очевидно, выражая этим свою готовность покориться той участи, которая ему суждена.

Выяснив таким образом то, что я желал знать, я, в свою очередь, сообщил ему о судьбе, постигшей шхуну и всех находившихся на ней. Эта весть не вызвала в нем ни удивления, ни особого огорчения; он только показал выразительным жестом руки, что предаст своих бывлых господ или товарищей, кто бы они ни были, на волю Божию. Чем больше я наблюдал этого человека, тем большим я к нему проникался почтением и уважением. Несомненно, он обладал большим умом и сильной волей, и характера был строгого и серьезного. Общество такого рода людей я предпочитал всякому другому, и прежде чем мы дошли до дома Ароса, я не только от всей души простил ему цвет его кожи, но даже забыл о нем.

Придя в дом, я рассказал Мэри все, как было, без малейших утаек, хотя, признаюсь, сердце у меня усиленно билось во время этого признания; но оказалось, что я напрасно усомнился даже и на одно мгновение в ее чувстве справедливости.

– Конечно, ты поступил правильно, – сказала она. – Да будет воля Господня! – И она сейчас же поставила перед нами большое блюдо с мясом.

Как только я поел и поручил Рори позаботиться о пришельце, я тотчас же отправился разыскивать дядю. Не успел я выйти из дома, как увидел его на том же самом месте, на вершине пригорка, где мы с чернокожим в последний раз видели его. Он сидел все так же, скорчившись, словно притаясь, и как будто в той же самой позе, в какой мы оставили его. С этого места, где он находился, перед ним расстилалась, как на разложенной карте, наибольшая часть Ароса и находящийся с ним по соседству Руст; несомненно, что он зорко глядел во все стороны и по всем направлениям, потому что едва только моя голова показалась над верхушкой первой части подъема, как он стремительно вскочил на ноги и обернулся, как бы желая меня встретить лицом к лицу. Я тотчас же окликнул его как только мог громче, совершенно тем же тоном и в тех же словах, как я это делал сотни раз, когда, бывало, ходил звать его обедать или ужинать. Но он ни единым движением не подал вида, что слышит меня. Тогда я прошел еще немного дальше и опять стал звать его, но также безуспешно. Когда я снова пошел вперед, им вдруг овладел тот же безумный ужас, и, продолжая хранить мертвое молчание, он кинулся бежать от меня с невероятной быстротой вдоль скалистой вершины горы. Всего час тому назад я видел его изнемогающим, истощенным, ослабевшим, тогда как я был еще сравнительно бодр, но теперь его сила и выносливость поражали меня. Безумие придавало ему силы, и я не мог даже мечтать угнаться за ним. Мало того, я опасался, что сама попытка догнать его могла только внушить ему еще больший страх и, пожалуй, еще ухудшить наше печальное положение. Мне не оставалось ничего более, как вернуться домой и сообщить Мэри неутешительную весть.

Она выслушала меня, как и в первый раз, со сдержанным спокойствием и, уговорив меня прилечь и отдохнуть, в чем я, действительно, сильно нуждался после ужасной, проведенной без сна ночи, сама отправилась разыскивать своего несчастного отца. В те годы едва ли была на свете такая вещь, которая могла бы лишить меня аппетита и сна, и потому я заснул крепко и спал долго, и время было далеко за полдень, когда я наконец проснулся и спустился из своей комнаты вниз в кухню, служившую в одно и то же время и общей столовой. Мэри, Рори и чернокожий сидели молча у очага. Я сразу заметил, что Мэри плакала. Вскоре я узнал, что ей действительно было о чем плакать. Сначала ходила она, а затем Рори искать и звать ее отца; и оба они каждый раз заставляли его сидящим скорчившись на самой вершине горы, и от обоих он бежал, как преследуемый охотниками зверь, бежал молча, в безумном страхе. Рори пытался догнать его, но напрасно. Безумие придавало ему нечеловеческие силы, он делал изумительные прыжки, перескакивал со скалы на скалу через широкие трещины и ущелья, кружил, как дикарь, стараясь запутать свой след, и делал петли, как заяц, чувствующий гончих за собой. Наконец Рори утомился и поплелся домой, и когда он оглянулся в последний раз, то опять увидел дядю все на том же месте, на вершине Ароса, сидящим скорчившись, как притаившийся загнанный зверь. Даже и в самый разгар погони, даже и тогда, когда быстроногий и проворный Рори почти нагнал его и чуть было не схватил его, несчастный не проронил ни слова, не издал ни звука. Он убегал молча, как зверь, и это молчание наводило ужас на гнавшегося за ним Рори.

Было что-то душу надрывающее во всей этой сцене; положение становилось трагическим. Как поймать сумасшедшего человека, не подпуская к себе никого? Как хотя бы только накормить его? Ведь он со вчерашнего дня не видал никакой пищи! А затем, как с ним быть, если его удастся каким-нибудь образом изловить? Таковы были три главных затруднительных вопроса, которые нам приходилось разрешить.

– Чернокожий, – сказал я, – по-видимому, главная причина, вызвавшая у него этот острый приступ умопомешательства; может быть, именно его присутствие здесь, в доме, удерживает дядю там, на горе. Мы сделали, что должны были сделать, мы накормили и обогрели его под этим кровом, а теперь я предлагаю, чтобы Рори отвез его на лодке на ту сторону залива и проводил его по Россу до самого Гризаполя.

На это предложение Мэри ничего не возразила, а потому, предложив негру следовать за нами, мы все трое, то есть он, Рори и я, направились к пристани. Очевидно, Господу было так

угодно, чтобы все обстоятельства складывались против Гордона Дарнэуея; случилось нечто, не имевшее никогда ничего себе подобного здесь, в Аросе: во время вчерашней бури лодку оторвало прибоем, и ее било о пристань с такой силой, что сделало в ней громадную пробоину, вследствие чего она теперь лежала на четырех футах глубины с проломленным боком. Потребовалось бы по крайней мере дня три работы, чтобы снова привести ее в исправность. Но я решил настоять на своем и потому повел всех к тому месту, где пролив, отделяющий Арос от мыса, всего уже, смело переплыл на ту сторону и стал звать чернокожего, приглашая его последовать моему примеру. На это он мне знаками дал понять, что не умеет плавать; и, по-видимому, это была правда. Никому из нас даже в голову не пришло усомниться в правдивости его заявления. Когда и этот исход оказался несостоятельным, нам волей-неволей пришлось вернуться обратно домой в том же порядке, в каком мы оттуда вышли. Возвращаясь назад, негр шел с нами так же непринужденно и естественно, как он шел, идя к пристани.

Все, что нам оставалось еще сделать в этот день, который начинал уже клониться к вечеру, это было еще раз попытаться завязать какие-нибудь отношения с несчастным помещанном. И опять мы его увидели на прежнем месте, на самой вершине горы, но, завидя нас, он опять также молча пустился бежать куда глаза глядят. Тем не менее нам удалось оставить для него на его излюбленном месте пищу и большой теплый плащ. Впрочем, дождь перестал, небо прояснилось и ночь обещала даже быть теплой. Теперь мы решили, что нам можно отдохнуть до утра; в покое и отдыхе мы все особенно нуждались; в эту ночь нам надо было собраться с силами для предстоящей нам завтра работы, и так как никто из нас не был расположен разговаривать, то все мы рано разошлись по своим углам.

Я долго не мог заснуть, создавая разные планы на завтра. Я хотел поставить негра со стороны Сэндэгской бухты, чтобы он, в качестве загонщика, гнал дядю в сторону его дома. Рори, как я предполагал, должен будет зайти с западной стороны, а я с восточной; таким образом, мы с трех сторон образовали бы цепь. И чем больше я мысленно изучал характер острова, тем более я убеждался, что нам будет возможно, если и не легко, но все же возможно, заставить дядю спуститься к низинам и болотам, лежащим вдоль берега Аросской бухты. А раз у нас это получится, то при всей той силе, какую ему придавало безумие, все же едва ли можно было опасаться, что ему здесь удастся уйти от нас. Я особенно рассчитывал на страх, который ему внушал чернокожий; я был уверен, что в каком бы направлении несчастный безумец ни побежал, во всяком случае он не побежит на негра, которого он, очевидно, принимал за выходца из могилы, и это мне давало уверенность, что по крайней мере одна из сторон компаса безусловно защищена. Когда я наконец заснул, то только для того, чтобы вскоре вновь пробудиться под впечатлением страшного кошмара, в котором мне представлялось кораблекрушение, чернокожие и всевозможные подводные приключения. Все это так на меня подействовало, что я почувствовал себя сильно потрясенным и настолько лихорадочно возбужденным, что встал, спустился вниз и вышел из дома на улицу. В доме Рори и чернокожий спали вместе на кухне, а на дворе была чудная ясная звездная ночь, и лишь там да сям еще удерживалось небольшое облачко, последнее напоминание о вчерашней ужасной буре. Было как раз время высшей точки прилива, и «Веселые Ребята» громко ревели в безветренной тишине ночи. Никогда еще, даже и в самую страшную бурю, не казались мне их голоса такими ужасающими, и никогда я не прислушивался к ним со столь жутким, леденящим душу чувством. Теперь, когда все ветры умчались далеко, когда морская глубь улеглась и погрузилась в свою летнюю дремоту, когда звезды далекие изливали на море и на землю свои нежные ласковые лучи, только одни эти неугомонные буруны по-прежнему бушевали и ревели, нарушая тишину и спокойствие ночи. Положительно, мне начинало казаться, что они часть мирового зла, что они трагизм жизни! Но их безотчетный, лишенный смысла рев и завывания не были единственными звуками, нарушавшими в эту ночь покой и тишину дремлющей природы; нет, я отчетливо слышал то высокие крикливые, то дрожащие и подавленные звуки человеческого голоса, вторившего шуму и реву

прибоя на Русте. Я знал, что то был голос дяди, и неописуемый, непреодолимый страх напал на меня: страх Страшного Суда Господня, страх перед силой мирового зла! И я поспешил скорее уйти в дом, как бы желая укрыться в его мраке, и, вернувшись к себе наверх, еще долго лежал на постели все с теми же неотвязными думами, которые продолжали преследовать меня.

Было уже поздно, когда я снова пробудился. Я поспешно оделся и сбежал вниз, в кухню. Там не было никого. И Рори, и чернокожий уже давно тихонько ушли, и видя это, у меня сердце невольно упало. Я, конечно, мог вполне понадеяться и на привязанность, и на добрые намерения Рори, но не мог поручиться за его рассудительность и благоразумие. Если он так, не сказав никому ни слова, вышел ни свет ни заря из дома, то несомненно он рассчитывал и намеревался оказать какую-нибудь услугу дяде. Но какого рода услугу мог он оказать ему даже и будучи один, а тем более в обществе человека, который являлся в глазах дяди воплощением всех преследовавших его ужасов! Если уже не поздно было помочь делу, то, во всяком случае, нельзя было мешкать ни минуты. С быстротой мысли выбежал я из дома, и хотя я часто взбегал по крутому скату Ароса, но так я еще никогда не взбегал, как в это роковое утро. Кажется, менее чем в двадцать минут я был уже на вершине. Дяди здесь не было. Корзина с провизией, которую мы ему оставили, была раскрыта, вернее, у нее была сорвана крышка, и мясо раскидано по траве и по мху; но, как мы впоследствии убедились, он ни куска из него не положил в рот. Кругом не было видно никаких признаков живого существа. На небе был уже ясный день, и солнце в розовом сиянии горело над вершиной Бэн-Кьюу, но внизу дикие утесы и бугры Ароса и самое море еще лежали в тени и тонули еще в сумраке близкого рассвета.

– Рори! – крикнул я. – Рори!..

Но голос мой замер в пространстве; ответа же ниоткуда не последовало. Если они действительно задумали изловить дядю, то уж, конечно, они при этом рассчитывают не на быстроту своих ног, а на свое проворство и ловкость, на возможность схватить его из засады или заманить его в ловушку. Я продолжал бежать дальше, оставаясь на самой вершине хребта и все время глядя и влево, и вправо и не останавливаясь до тех пор, пока не очутился на вершине горы, возвышающейся над бухтой Сэндэг. Отсюда мне было видно разбившееся судно, голая полоса прибрежного песка и волны, лениво ударявшие в длинную линию прибрежных утесов, а по другую сторону бухты поросшие мхом валуны, холмы, бугры и кочки самого острова, но нигде ни одной живой души.

Вдруг солнце разом залило весь Арос, и полминуты спустя подо мной пасшиися внизу овцы вдруг заметались, словно охваченные паникой. Затем раздался крик, и я увидел дядю, бегущего по лугу. Чернокожий гнался за ним, и прежде, чем я успел понять и сообразить, в чем дело, появился откуда-то и Рори, указывающий чернокожему направление, как указывают его здесь овчаркам, состоящим при стаде.

Я кинулся бежать к ним что было мочи, желая вмешаться, но, быть может, я сделал бы лучше, если бы остался там, где я был, потому что здесь я мог отрезать несчастному беглецу последнее отступление. Теперь перед ним не было ничего кроме могилы, разбитого судна и моря в Сэндэгской бухте. Но видит Бог, что то, что я сделал, вышло, пожалуй, к лучшему.

Дядя, конечно, видел и понял, в каком направлении его гонят, и он уклонялся то вправо, то влево, с быстротой молнии кидаясь из стороны в сторону. Но как ни придавали ему сил его безумие и панический ужас, преследовавший его, все же чернокожий оказывался проворнее его; как он ни уклонялся, как ни увертывался, преследователь все продолжал гнать его к месту его преступления. И вдруг он стал громко кричать, так громко, что его голос раздавался по всему побережью, и тогда оба мы, и Рори, и я, стали кричать негру, чтобы он остановился. Но все было напрасно, потому что в книге судеб было записано иначе.

Чернокожий продолжал гнаться за несчастным, а тот, совершенно обезумев, не видя ничего перед собой, бежал и кричал, кричал душераздирающим, диким голосом. Вот они миновали могилу и промчались у самых обломков разбившегося судна; еще секунда, и они

оставили за собой всю береговую полосу песков, но дядя не останавливался; он несся вперед, как быстроногая лань, все вперед, прямо навстречу прибою, а чернокожий, почти нагнавший его теперь, следовал за ним неотступно. И Рори, и я, мы стояли точно окаменелые; то, что происходило теперь на наших глазах, было не в нашей власти, не в слабой воле человека, так было предопределено свыше, такова была воля Божья, так им Сам Бог судил! Да и суд Его совершался теперь на наших глазах; мы все видели и не в силах были помешать. Едва ли когда-нибудь было что-то более ужасное, чем этот конец!.. Берег в том месте обрывистый, и вода глубока; оба они разом очутились на глубине выше человеческого роста. Ни тот, ни другой плавать не умели; чернокожий на мгновение показался над поверхностью с резким, захлебывающимся криком, но течение подхватило и его и с головокружительной быстротой несло в море. Если они всплывут, что одному Богу известно, то всплывут не раньше, как минут десять спустя, на самом дальнем конце Аросского Руста, там, где морские птицы носятся над водой, охотясь за рыбой.